

НАДЕЖДА МАМАЕВА

DIGITAL BOOK

Дронкам реалности
или
МАГИЯ БЛЕФА

ИДДК

Надежда Мамаева

**Дропкат реальности,
или магия блефа**

«ИДДК»

2016

Мамаева Н. Н.

Дропкат реальности, или магия блефа / Н. Н. Мамаева —
«ИДДК», 2016

«Дропкат реальности, или магия блефа» – роман Надежды Мамаевой, жанр романтическое фэнтези, приключенческое фэнтези. Не головокружительная красавица, да еще и с сомнительным приданым – чем не разменная монета для отчима? И суждена бы была Вассарии роль безропотной жены при старике-муже, если бы не авантюрный нрав, да наследство, оставленное дедом. Какое наследство, спросите вы? Ловкие руки и умение вести игру, что присущи лишь настоящему шулеру. Эта история об одной лицедейке, двух мужчинах и подростке, с шаффлом из приключений, фулл хаусом любви, разложенная по мастям на пятьдесят две карты.

© Мамаева Н. Н., 2016

© ИДДК, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Надежда Мамаева

Дропкат реальности, или Магия блефа

© Мамаева Надежда

© ИДДК

Глава 1

Шаффл судеб

Шаффл есть любой способ перемешивания карт для того, чтобы при раздаче получить непредсказуемую и неопределенную комбинацию для игроков. Для шулера же шаффл – удобная возможность сдать себе нужные карты.

Из поучения каталы Хайроллера

– Для шулера у тебя есть два существенных недостатка. – Голос седого как лунь, но не потерявшего с годами стати старика не был недовольным, он констатировал самую упрямую в мире вещь – факт.

– Какие? – настороженно спросила молодая девушка.

Скорее она сделала это ради того, чтобы поддержать разговор, нежели ей был интересен ответ. Меж тем ее ловкие пальцы чиповали стек одной рукой, собирая ровно двадцать фишек одного номинала в аккуратную стопку. Выходило неплохо, хотя собранный стек еле-еле помещался в ее ладони.

Старик соизволил пояснить:

– Во-первых, у тебя слишком маленькие руки. Под такими ладонями тяжело спрятать крапленую карту или лишнюю фишку.

– Но ты сам говорил, что пальцы-то ловкие, – возразила она, недовольно пыхтя. Стек, после того как девушка дропкатом отделила от него стопки по пять, четыре и три фишки, значительно уменьшился и сейчас весьма вольготно размещался в ее ладони.

– Не перебивай! – Старик посерьезнел. Его наставительный тон в такие минуты всегда заставлял ее внутренне подобраться. – Маленькие руки для мужчины. Да, глядя на твои пальчики, тяжело будет заподозрить в тебе шулера – а это уже скорее плюс, нежели минус. А вот вторая проблема посерьезнее.

Выдержав настолько длинную паузу, что даже лицедеи императорских подмостков обзавидовались бы, добавил:

– Потому как женщин-катал не бывает. Ни один уважающий себя герр не сядет играть за стол с дамой не только высшего, но и полусвета. А с теми, кто бы сел играть с женщиной, я бы сам не советовал тебе связываться. Это наверняка такая шушера, что и заточку под ребро не погнушаются после игры пустить.

– А зачем же ты меня тогда учишь всему этому? – Девушка недоуменно обвела взглядом стол зеленого сукна, на котором лежала пара запечатанных колод. В углу виднелся столбик ставок, написанных мелом (они были сделаны ныне беседовавшими еще вчера, когда девушка и старик на интерес до полуночи играли в аллусский пятикарточный принт), стояли стеки с фишками и лежали собственно карты.

– Потому что знания лишними не бывают. У тебя и так, кроме этих знаний и родословной, ничего за душой нет, – припечатал старик.

Тут Хайроллер был прав. Некогда отец юной фьеррины, что ныне вела беседу, достопочтенный герр Мираскес Хайроллер (он же сын старика, сидящего за столом) был любителем играть по-крупному, ну и проигрался. Подчистую. А после решил проблему долгов кардинально – пустил себе пулю в лоб. Может, для него это и был геройский поступок. Может, Мираскес и думал, что таким образом избавит хотя бы свою любимую жену и маленькую тогда еще дочурку от долговой ямы... Но Вассария (а именно так звали юную собеседницу) подросла и твердо усвоила, что самоубийство – это способ лишь перекинуть свои проблемы на плечи

близких, самому канув в небытие. Мираскес для себя все решил, оставив на этом свете дражайшую супругу с маленькой дочкой на руках в осаде кредиторов.

Мать Вассарии – тогда молодая еще красавица двадцати одного года – сделала то, что было возможно в ее ситуации: выставила единственное свое богатство на аукцион мужского тщеславия. И стала из баронессы Хайроллер графиней Бертран.

Герр Бертран был уже немолод, статен и столь же дружелюбен, как мраморная колонна. Когда шестилетняя Вассария увидела его в первый и последний раз, он показался ей олицетворением вечной зимы: снежно-белые волосы, резкие черты лица, индевеющий взгляд.

По итогам той приснопамятной аудиенции и последовавшего разговора с матушкой Васса и была отослана в провинциальное захолустье к деду, герру Аллару Хайроллеру, в прошлом ловеласу и шулеру (впрочем, последнее так и не было доказано), сколотившему свое состояние на карточных играх.

– А папу ты тоже учил играть? – Этот вопрос мучил девушку давно, но ей все никак не удавалось его задать. А тут дедушка в почти благодушном настроении...

– Нет.

Резкий, рубленый ответ заставил ее внутренне поежиться. Уж больно тон был хлесткий, словно удар кнута.

– Не только не учил, но и категорически запрещал ему брать в руки карты. Мираскес был слишком увлекающимся. Слишком... Он и помолвки с твоей матерью добивался с какой-то одержимостью, азартом. Хотя семья этой почтенной фьеррины была против их брака, твоему отцу так удалось добиться желаемого.

Итог этих достижений, то бишь Васса, сейчас сидел за столом и чувствовал, практически материально ощущал, как мрачные мысли деда, словно стая воронья, кружат над его головой.

– Не отвлекайся, давай теперь ложный карттинг, а потом шаффл. И когда будешь мешать карты, спрячь в рукав трэфового туза.

В этом весь Аллар Хайроллер. Для него лучшее лекарство от любых тяжких дум – это дело. А любимое его дело – карты. Сейчас он уже редко выходил в свет. Да и какой «свет» в этой техонской глуши?

Маленький городок в одной из провинций необъятной империи, где из развлечений осенняя ярмарка, зимние побоища и традиционное весеннее сжигание чучела Ульраны-зимы на городской площади перед ратушей. На последнее, кстати, выходит посмотреть и сам хоганов дланник: осенит всех божьим знаменем, обзовет народное гулянье мракобесьем, полюбуется, как пылает костер, да и обратно в храм пойдет. Бывает, еще какой-нибудь недобитый лютней менестрель придет, затынет заунывную балладу. Хорошо, если у сего лицедея голос будет, а то ведь иногда как завоюет, что все коты в округе в недоумении – какому их усато-полосатому собрату так хвост прищемили?

Домик, где жили дед с внучкой, был небольшим. Это единственное, что осталось у Аллара после погашения части сыновних долгов. По хозяйству помогала баба Гара – дородная тетка из ближайшего околотка, приходящая к ним два раза в неделю, чтобы приготовить, постирать да прибрать. Впрочем, в последнее время часть ее обязанностей по настоянию дедушки Васса взяла на себя, как то: готовка, штопка и уборка. Хотя графини (априори) и не должны заниматься такими делами, но то в теории, а это – жизнь.

Так и жили они вдвоем: герр Хайроллер и его внучка, то бишь Вассария Бертран (отчим все же согласился дать ей свой титул и фамилию при условии, что больше не увидит падчерицу).

Образование и воспитание Вассы были целиком и полностью заслугой дедушки. Конечно, тонкостей этикета она при таком раскладе, увы и ах, не знала, умением искусно картавить (говорят, в столице сейчас среди барышень это модно) похвастать тоже не могла, а из

танцев знала только креп и мальрон – то единственное, что играли на приемах, устраиваемых губернатором.

Стук в дверь вывел Вассу из размышлений.

– Сходи открой. – Дедушка, удобно расположившийся в кресле-качалке, не пожелал покидать столь уютное пристанище.

Выйдя из залы и добравшись по коридору до входной двери, девушка отперла замок.

На пороге стоял почтарь. Похоже, новенький. Раньше письма и газеты разносил почтенный Мальрин. Но старик начал сдавать и засобирался на покой. Его преемника украшала щербатая улыбка, чуть задранный кверху конопатый нос и кургузый сюртук. Все это никак не вязалось со слякотной погодой, что властвовала на улице. Мещанине из дождя и снега под стать постная серая физиономия и доха потеплее.

– Письмо для герра Хайроллера.

– Я за него.

Плутоватый парнишка озорно улыбнулся и, почесав не сильно чистой пятерней взломаченные вихры, выдал:

– А не сильно ты на герра похожа. Что делаешь сегодня вечером?

Брови девушки непроизвольно взметнулись вверх. Молодчик, статья, принял ее за смазливую служаночку: ну да, платье простое, серое, купленное (не сшитое на заказ точно по мерке) в лавке не для господ, а для горожанок. Ну шустер! Времени зря не теряет.

– Вечером, конечно, свободна, вот только уложу сына и трех дочурок спать, – и, не давая молодцу опомниться, Васса игриво прощebetала, как бы извиняясь: – Раньше у них папашка был, он их и укладывал, но он слинял, вот спиногогрызы плохо и засыпают, но если новый на должность отца появится...

Девушка усиленно захлопала ресничками, кося под альтернативно одаренную. Парень впечатлился и уже более серьезным тоном, с обращением на «вы» произнес:

– Вот ваше письмо, передайте его герру.

Больше не говоря ни слова, развернулся и вприпрыжку унесся дальше по улице.

– Надо же ж, какие мы пугливые, – для порядка прокомментировала девушка, для пущей картины оперев руки в бока. Закрыв дверь, она вернулась обратно к деду.

– Васса, зачем ты так с молодым человеком? – Тон старика был серьезен, но мракобесы в глазах плясали джигу.

– Я-то совсем ничего, я совсем даже не против, это он какой-то пугливый оказался... – поддерживая игру деда, начала Васса.

– Ладно, давай сюда, что он там принес.

Девушка протянула письмо деду. Такая корреспонденция, с графской печатью рода Бертран на сургуче, приходила ежегодно два раза – на день рождения Вассы и под Новый год. Писала матушка, поздравляя дочь с очередным праздником.

Вассария, сначала старательно выводившая неумелой рукой руны на пергаменте и отсылавшая свои послания чуть ли не каждый месяц (они так и оставались без ответов), впоследствии стала лишь пунктуально отвечать на приходящие письма, отстраненно интересуясь погодой, природой и матушкиным здоровьем. Пришедший конверт выбивался из привычного эпистолярного графика.

Меж тем дед распечатал сургуч и углубился в чтение. По мере того как его выбеленный временем, но все еще цепкий взгляд бегал по строчкам, лицо все больше походило на такое, о котором шулера говорят – игральная фасад: без эмоций, бесстрастное, ничего не выражающее. Плохой признак.

Дед оторвал взгляд от листа, испещренного бисерным почерком матушки Вассарии, с кучей завитушек и вензелей в конце каждого слова, и, на мгновение замолчав, произнес:

– Ну что ж, это должно было когда-то случиться. Я дал тебе все, что мог. Денег, увы, у меня нет, есть только знание и умение выигрывать в карты. Их тебе я и передал. А сейчас, похоже, твой отчим и моя бывшая невестка вспомнили о том, что у них подросла девица на выданье и решили расплатиться с кем-то из знати, заключив брачный договор на твое имя.

Умению держать удар дедушка научил Вассу еще в первый год ее пребывания в этом доме. Вот и сейчас, раздираемая бурей чувств от смятения до негодования, внешне девушка старалась выглядеть спокойной. Не задавала вопросов, обычных для семнадцатилетней фьеррины, оказавшейся в схожей ситуации. Старик одобрительно усмехнулся и мгновение спустя продолжил:

– В письме не сказано, за кого тебя прочат, но готовься к тому, что будущий супруг навряд ли будет воплощением девичьих грез, скорее уж таким же старым ревматиком, как и я.

В его словах была доля истины: на подарки судьбы из рук отчима надеяться не приходилось.

– В письме также сказано, чтобы я отправил тебя в столицу в сопровождении компаньонки, но поскольку ее у нас и в помине нет, придется тебе поехать одной.

– А как же приличия? – подначила дедушку внучка.

– А разве ты их соблюдаешь? – в тон ей ответил Хайроллер.

Так и началась предсвадебная эскапада Вассарии.

Чахлая на вид каурая лошадка проявляла чудеса выносливости, одолевая с завидным упорством до семидесяти лин в день, в то время как породистые рысаки, пройдя это же расстояние (правда, немного быстрее), требовали смены. Довеском к ее седлу и поклаже выступала Васса, мокрая, грязная и злая. От дилижанса, ходившего раз в месяц в сторону столицы, и дамского платья они с дедушкой отказались. Одинокое путешествующая фьеррина – большой искус для мошенников. Да и к сроку, указанному в письме, Вассария никак при таком способе путешествия не успевала. Поэтому – мужское седло, порты, заправленные в голенища сапог, да плащ, подбитый мехом. Последний, укрывавший от мороси, что является предвестником скорой зимы, лип к лошадиному крупу и уже не согревал, насквозь пропитанный влагой. До столицы оставался один дневной переход, и заночевать на этот раз Васса планировала в таверне, что уже виднелась у обочины широкого и многолюдного тракта. Чуть в стороне от нее располагалась небольшая деревенька. Девушка припомнила карту, что рассматривала с утра, кажется, название этого поселения Старые Параты. Что такое эти самые «параты» она не знала, но почему-то данное словосочетание прочно ассоциировалось у нее со старыми портками. Уж не знамо почему.

Оставив лошадь у коновязи и кинув монетку расторопному мальцу, зашла, мысленно помянув недобрый словом бывшего хозяина кобылы, удружившего с кличкой животного – Пехота. Причем ни на какие другие эта зараза не отзывалась, разве что на Пёху еще, хотя, справедливости ради, каурая ее оправдывала – плелась по грязным колеям тракта и не вязла.

Таверна приветливо встречала путников гвалтом, запахом прокисшего пива и чесночным духом, который призван был отпугнуть нечисть. По мнению Вассы, так и первых двух составляющих вполне бы хватило, но хозяин рачительно развесил плетенки с сим луковичным не только у входа, но и по всему залу.

Девушка устало откинула капюшон, выскивая взглядом свободное место. Плохая погода сделала эту задачу трудновыполнимой – зал был полон народу. Кто попроще – прихлебывал пиво и закусывал пенный напиток сушеным окуньком, кто побогаче – за отдельным столиком вкушал бараньи ребрышки с гречневой кашей и вином.

Угледев-таки свободный столик, правда, недалеко от выхода, из которого сноровистая разносчица то и дело выносила заказы или уносила подносы с пустой посудой, Васса ринулась на облюбованную территорию.

Устроилась на лавке и вытянула ноги, а заодно оперла спину и многострадальную поясницу о притолоку двери, за которой в очередной раз скрылась подавальщица. Дорога изрядно вымотала Вассу. Ей хотелось поест и поскорее завалиться спать. И особо даже неважно при этом, насколько чистой будет постель – девушка чувствовала, что рухнет туда, не раздеваясь.

Вассария отстраненно подумала, что надо бы заплатить за номер вперед – а то вдруг еще пожалует кто, и свободных комнат вовсе не останется. Но вставать ей откровенно не хотелось.

Дородная, но при ее комплекции невероятно расторопная тетка нависла над девушкой спустя всего каких-то пару клинов, за это время Васса как раз успела отогреться, но не сомлеть от тепла.

– Чего изволит фьеррина? У нас сегодня подают бараньи ребрышки с гречневой кашей, заправленной шкварками, есть вчерашние щи с мясным пирогом, свиная рулька вот-вот поспеет... – разливалась не хуже площадного зазывалы подавальщица.

– Каши со шкварками и кружку сбитня. – Вассария мысленно подсчитывала сребры, что остались у нее в кармане. На мясо явно не хватало.

Слегка разочарованная таким скудным заказом, разносчица повернулась к фьеррине своей весьма внушительной кормой и уплыла восвояси. Уже через два клина перед Вассой стояла вождеденная каша. Положив оговоренный сребрень на столешницу, девушка принялась за еду. Между делом она отметила, как команда ловкачей обувает какого-то улана в арамского везунчика – игру до жути примитивную, но почему-то наиболее распространенную среди вояк.

Ну да – каждый о своем: портной всегда подмечает, ладно ли скроен сюртук, сапожник вперится в обувку, а шулер – знамо дело, перво-наперво отметит негласных коллег по цеху. И лишь потом может обратить внимание на то, как заезжий сказитель настраивает лютню, трактирщик утирает выступившие на проплешине бисеринки пота, а ушлый крысюк, балансируя на потолочной балке, точит зубы о пеньковую веревку, к которой привязана чесночная плеть. Надо полагать, и грызуну не по нраву забористый дух, вот и спешит избавиться от его источника. – Умная тварюшка.

Васса с непонятным ей самой азартом наблюдала за крысюком: вот плетенка начала раскачиваться, как незакрепленная стропа на гросс-мачте, и, оторвавшись-таки от балки под победный визг крыса, перевернулась в воздухе, упав аккуратно на темечко солидного господина, решившего оттрапезничать в сем трактире. Голова герра при этом происшествии пострадала незначительно, зато значительно пострадала гордость, поскольку основная сила удара злополучной плетенки пришлась на парик. Он-то и смягчил столкновение, но при этом не просто съехал набок, а подпрыгнув, словно в него вселился беспокойный дух, описал плавную дугу и упал к ногам подавальщицы.

Дородная дама, несшая аж восемь кружек пива, не заметила оказии и поскользнулась на накрахмаленных буклях. При этом досталось всем: кому – само пиво (жаль, что только наружно, а хотелось бы во внутреннее употребление), кому – отборная брань в несколько этак же, а несчастному герру, хозяину парика, – еще и кружкой по голому, как коленка, темечку (это уже от щедрот души разносчицы). И если падение плетенки заметили не все, то столь варварское разбазаривание пива не оставило равнодушным почти никого. Даже каталы и вояка, которого они так ловко облапошивали, оторвались от своего увлекательного занятия.

А крысюк, никем, кроме Вассы, не замеченный, ловко пробежал по матице и спустился по другой плетенке к стойке. На ней красовался расписной поднос, на котором ароматным, пышущим жаром курганом возвышалась горка пирожков. Крыс, не будь дурак, цапнул самый большой и был таков.

После того как волнения слегка улеглись, Васса вновь посмотрела на своих «сослуживцев». Процесс раздевания улана шел вовсю: вот молодой вояка уже снимал с шеи кулон на цепочке кордового плетения. Девушка пригляделась внимательнее – подвеска, похоже, родовая, старинная. Что-то внутри Вассы дрогнуло. «Может, и мой батюшка так же вот когда-

то...» – мелькнуло у Вассарии. Пока она добиралась до столицы, несколько раз видела, как работает команда катал, но в предыдущие разы ей их жертв было несколько не жаль. С первого взгляда девушка распознавала в них заядлых игроков с трясущимися руками, неотрывно следящих за колодой. А этот улан сдается, сел играть по глупости, сначала выиграл пару раз, поверил в удачу, а как оглянулся – понял, что проиграл больше половины, и сейчас пытается отбить свое. Вон уже и не пьет принесенного вина, а в глазах отчаяние и безысходность.

Костеря себя за мягкотелость и подозревая, что добром желание помочь не кончится, девушка встала и слегка пошатывающейся походкой пошла к игрокам, по ходу умыкнув с соседнего столика у отвлекшегося ротозея кружку пива. Им Васса прополоскала рот для запаха и достоверности образа.

– Реба-а-а-та, ик! Я смотрю, тут в везунчика играют, ик!

Тяжелее всего далось изображение пьяной икоты, как у развязной девки.

Постояла, оглядывая честную и не совсем компанию, и, не спрашивая ни у кого разрешения, плюхнулась рядом с уланом.

– И мне сдавай! Двое на двое, – неопределенно махнула нетвердой рукой.

До этого улан играл с троими: коренной – главный катала – жилистый мужик из породы тех, что и в двадцать, и в сорок выглядят одинаково. Он смотрел на Вассу с прищуром – оценивал. Его ручной – помощник и подбрех – парнишка не старше Вассы, но уже успевший выбить себе где-то пару передних зубов, широко улыбался, явно радуясь еще одному залетному дурачку, вернее, дурочке в лице разбитной девахи навеселе, решившей испытать карточную удачу. Третий – бугай, надо полагать, именно с ним пришлось бы в конце вечера на кулаках (сабли при улане что-то не видно) разбираться молодому вояке – смотрел на девушку с энтузиазмом вола, перед которым поставили корзину яиц: в смысле – на фиг, это ему не нужно.

По едва заметному знаку коренного бугай, буркнув себе под нос, дескать, пойду воздухом подышу, поднялся из-за стола и направился к выходу, у двери обменявшись парой слов с вышибалой.

«Прекрасно, значит, и хозяин в доле с этой компанией!» – мелькнуло в голове у Вассы.

Меж тем коренной, что-то насвистывая, стал тасовать колоду и, сделав ложную подрезку, начал сдачу карт.

В глаза девушке сразу бросился неумелый крап – по несколько точек в двух диагональных углах. Примитив, рассчитанный на вот таких простачков, как улан. Последний, кстати, косил на Вассу недовольными глазами цвета янтаря. Странно, обычно у слегка смуглых, темноволосых, к коим относился спасаемый, и глаза более темных оттенков («Гляди-ка ты, природа расщедрилась на столь дивное сочетание!» – ехидно прокомментировал внутренний голос девушки). Небольшой шрам на лбу, почти у линии роста волос, и тонкая заиндевелая прядка на виске говорили о том, что жизнь у молодого вояки бурная, не всегда легкая.

Улан не оценил порыва Вассарии и попытался избавиться от неожиданного карточного партнера:

– Может, вы, юная леди, найдете себе другое развлечение?

Хотя, если вслушиваться в интонации, а не смысл, выходило: «Шла бы ты, деваха, отсюда, проспись сначала!»

– Может, ик, и найду, но позже, а сейчас сыграем, – и Вассария выразительно размяла пальцы.

Коренной, поняв намек, шустро закончил шаффл и сдал всем по пять карт, игнорируя протест герра.

Ну да, вояка мог встать и уйти, отказавшись играть в компании девушки, но тогда шанса отбить свое уже не будет. Улан как-то обреченно вздохнул и взялся за колоду.

В первой партии, знамо дело, новичкам, благодаря ловкости коренного, повезло, во второй тоже. Пока карты шли, Вассария незаметно ногтем сделала насечки на ребрах всех «порт-

ретных», как дедушка учил: по одной на тузов, по две на королей, по три на дам. У ходовок от десятков до двоек тоже постаралась сделать насечки, но уже на углах.

Девушка предвкушающе улыбнулась про себя. Дальнейший расклад событий являлся классикой жанра и был известен каждому шулеру средней руки: после третьей партии, когда, по идее, молоденькая феррина должна уже быть на кураже, ей дадут первый раз проиграть. Потом отыграться и... дальше будут раздевать, как до этого улана.

Время было уже далеко за полночь, и таверна опустела, за столом остались только четверо: Васса, спасаемый ею и двое катал. Замыленные карты шлепками ложились на стол, бугай все никак не мог надыхаться свежим воздухом, а фамильная подвеска улана красовалась у девушки на шее, сияя камнем, вставленным в оправу, как-будто в насмешку над коренным.

Игра (тринадцатая партия по подсчетам Вассы) шла с переменным успехом, но большую часть проигранного уланом девушка уже отбила. Коренной все никак не мог взять в толк, откуда феррина знает, когда нужно скинуть и уйти в пас, да еще и своему «напарнику» дает пьяные, но такие дельные советы. Однако в этом не было ничего мудреного: и коренной, и девушка знали карты друг друга. В таком случае побеждает даже не тот, у кого приходит комбинация лучше (знамо дело, они и у него, и у нее хороши – рукава-то у обоих есть, впрочем, как и ловкие руки), а тот, чьи нервы крепче.

Коренной злился, скрежетал зубами, но сделать пока ничего не мог.

Вассария почувствовала надвигающееся даже не затылком. Внутри словно образовался снежный ком, прокатившись от горла к низу живота, набирая массу и обороты. Улан вдруг резко толкнул ее в бок, и она упала со скамейки, чтобы мгновением позже увидеть на том месте, где только что была, рукоять метательного ножа.

«Все-таки не рассчитала!» – словно эхо сыгранной гаммы, что несется по коридорам, прозвучала в голове у девушки мысль.

Терпение бугая лопнуло, и он решил добраться до вождельных денег не почти законным путем обжуливания в карты, а банально перерезав девице с уланом глотки.

Вот поэтому баб-катал и не бывает! Разборки после крупных проигрышей нередки, но обычно скандалит потерпевшая, кинутая сторона. Поэтому шулер должен, помимо виртуозного владения картами, либо быстро бегать, либо хорошо драться. Махать кулаками Васса при всем желании не могла (комплексия не та), поэтому выбрала первый вариант. Не вставая, на карачках, заползла под соседний стол и намеревалась уже оттуда, с низкого старта, дать деру до двери, ведущей на кухню, поскольку вышибала загоразживал основной выход и, судя по всему, был готов принять участие в начинающейся забаве.

Тут произошло еще одно событие, заставившее девушку слегка поменять свои планы. Улан, оставленный всего на один вздох без внимания, залихватски свистнул. Коренной попытался дотянуться до него через стол заточкой, метя в печень, но лишь полоснул лезвием по штанине начавшего резко вставать вояки. После этого входная дверь и ставни на окне с треском вылетели, в зал ворвались пять человек в неприметной серой форме дознавателей его императорского величества Ваурия тринадцатого.

– Не двигаться! – Грозный окрик подействовал не хуже заклинания.

Впрочем, магией, которую по наущению хогановых дланников именуют мракобесьем (а магики, соответственно, преследует святая инквизиция), тут и не пахло. Зато ощутимо тянуло душком паленой шерсти, в том числе и Вассы. Как спасти теперь свою шкуру, девушка не совсем представляла. Разве что скосить под пьяную дурочку, что она и сделала.

В звенящей тишине задом выползла из-под стола, своротив при этом табуретку, шатаясь, распрямилась и как можно более пьяным голосом произнесла:

– А шо, собственно, здесь происходит?

По улановой физиономии девушка поняла, что слегка переборщила, ибо пару вздохов назад ее голос и движения были на порядок трезвее.

– Вы, юная феррина, присядьте, – и дознаватель, отвернувшись от Вассы, скомандовал: – Арестовать.

Связали всех подельников быстро и качественно, в том числе и трящегося осиновым листом хозяина трактира. Когда зал опустел (Вассария старательно исполняла роль пьяненькой искательницы приключений на свою пятую точку, так толком и не понявшей, что произошло), ей на плечо легла рука.

– Да уж! Ты мне чуть всю операцию не загубила! – Спасаемый пару клинов назад улан тяжело вздохнул.

– Мы эту шайку со жнивня пасли, знаешь, скольких они по миру пустили? А скольких на следующее утро в канавах нашли? – и, не дождавшись внятного ответа, продолжил: – То-то же. А сегодня ловили на живца... но тут ты, такая везучая, на мою голову выискалась.

И, вздохнув, продолжил:

– А если бы они состорожничали? Не кинулись бы убивать, а отпустили с отыгранным?

В принципе Васса на это и рассчитывала.

– Тебя хоть звать-то как?

– Вассария Бертран, – осоловело выдала девушка.

– В общем, Васса, везучая ты малышка, – заключил улан, разглядывая урон, нанесенный штанине. В прорехе виднелось бедро мужчины с приметным родимым пятном в виде пятиконечной звезды. И поскольку многословием феррина не сильно далеко ушла от столешницы, присовокупил: – А меня Эрден дис Антер.

«Ух ты – граф! – про себя присвистнула Вассария. – И что же ты, такой знатный, делаешь в дознавателях?»

Мужчина меж тем стянул шнурок, скреплявший волосы на затылке, и с упоением помотал головой.

– Неплохая ты, Васса, крошка, хотя с твоим везением что-то не то, словно тебе магик над колыбелью ворожил.

«Ну да. Ворожил. Аж целых одиннадцать лет, и имя этому магику – Аллар Хайроллер», – мысленно прокомментировала девушка.

Но у мужика, похоже, начался «откат». Дед рассказывал ей про такое. У кого как это состояние выражается: кого-то тянет закурить, иной уходит в себя, а вот дис Антеру, похоже, надо выговориться.

Хотя следующие слова герра опровергли предположение Вассы:

– Ладно, что-то я заболтался, пора уходить, да и тебе тут задерживаться не стоит.

И вышел вон, забыв про подвеску, во время потасовки скользнувшую в ворот рубахи девушки. С усталости забыл, не иначе.

То, что оставаться в трактире не с руки, Вассария и так поняла, а поскольку до рассвета всего какая-то пара свечей, решила отправиться в путь затемно.

Глава 2

Каттинг обстоятельств

Узнать, насколько профессионален шулер, можно по тому, как чисто он делает ложный каттинг. Имея семнадцать фишек, дилер срезает три стопки по четыре и одну по пять фишек (которую и раскидывает) – это дает иллюзию, что в стеке двадцать чипов. Если в первую пару мигнов этого обмана тебе не удастся заметить – не садись с таким играть. Он тебя обует. Если же сразу видно, что он нарезал стек ложно, виду не подавай – такого ты разденешь на раз. А в картах жертве заранее не стоит знать, что она – жертва.

Из мемуаров старика Хайроллера

Воспользовавшись советом Эрдена, Васса не мешкая набросила на плечи слегка просохший плащ и покинула негостеприимный трактир в то время, которое в народе зовется воровским. Предрасветная темень гуще чернил, а дрема, с которой в полночь еще удастся легко бороться, сейчас валит с ног. Клин волка. Недобрый клин.

Пехота, недовольно кося на Вассу карим глазом, обреченно разрешила взнудать себя. Спину эта поганка подставлять не торопилась, и девушка сделала три круга почета перед врединей, прежде чем та соизволила остановиться.

Потник и вальтрап кобыла приняла как неизбежное, а вот от седла и подпруги отказалась наотрез, ненавязчиво отходя от Вассы каждый раз, когда та пыталась закинуть их ей на спину. Прижав-таки четвероногую мракобеску к одной из стен конюшни и недобрым словом помянув стременного (в чьи обязанности и входило седлать лошадей постояльцев), девушка начала затягивать подпругу. Сначала не сильно, но Пехота сразу же надулась, словно приснопамятная мышь на крупу, и стала похожа на бочонок забродившего вина – вот-вот рванет так, что щепы и железные ободья полетят в разные стороны. Закрепив ремень, девушка выпрямилась и огляделась.

В углу денника стояло ведро с паданкой. Яблоки – побитые, а некоторые и слегка подгнившие – то, что нужно. Выбрав парочку, вернулась к саботажнице и, пока Пехота уминала угощение, коварно завершила начатое, потянув что есть сил за ремень. Не ожидавшая такого коварства и отвлекшаяся на яблоки кобыла ослабила бдительность и расслабила брюхо. Чем Васса и не преминула воспользоваться. После того как подпруга на лошади была затянута на совесть, а чересседельные сумки перекинуты, Пехота смирилась с тем, что ее дурная хозяйка все же решила отправиться в путь в столь непроглядную темень.

Выведя кобылу из денника и вскочив в седло, Вассария направилась в сторону Урмиса. Оставшиеся полсотни лин пути ее занимали мысли как о грядущем, так и о недавно случившемся. Получалась такая затейливая мешанина, впрочем, не предвещавшая ничего хорошего.

Унылый сереющий пейзаж, когда осеннее солнце еще не встало, а лишь собирается взобраться на горизонт, как нельзя лучше гармонировал с ее настроением. Не хватало лишь вересковой пустоши, оную, впрочем, успешно заменяло поле, оставленное под пар. На нем с упоением золотоискателей скакало воронье, временами оглашая утреннюю тишину карканьем, по сладкозвучию сравнимым с серенадой несмазанных дверных петель. Грязь, хлюпающая под копытами Пехоты, составляла пернатым аккомпанемент.

Лошадь уверенно шла вперед, а вешки столбов, отмечающих очередной пройденный лин, начали украшать похабные и карикатурные картинку, намалеванные углем. Некоторые даже сопровождалась срамными надписями с пояснениями. Чувствовалось: впереди путника ожидает культурная столица империи – Урмис.

Стражники, что дежурили на северных воротах, обрадовались Вассе, как неродной (ибо у чужих отнять что-то легче, чем у ушедшей родни, знающей тебя вдоль и поперек). Северное направление и так не пользовалось большим спросом, а еще в такую-то погоду, да на исходе листопада. Взяток, почитай, не с кого брать, не то что пошлины. А тут Вассария. Вся такая, подающая материальные надежды кошелькам стражников.

После пяти клинов спора, по итогам которого стражники еще раз убедились, что чем беднее путник, тем он отчаяннее умеет торговаться (а эта и вовсе по ощущениям рыночным торговкам близкая родня), они посовещались, побряцали броней, плюнули, решив, что с паршивой путницы хоть мелочи звон, и сошлись на одном серебре и четырех медяках, к обоюдной радости обеих сторон. Вечером же начальству было доложено, что через северные ворота сегодня никто не проезжал.

И вот Вассария оказалась на улицах Урмиса. Нешироких, но двум каретам со скрипом разъехаться можно. Несмотря на заунывную погоду, город жил, город бурлил, образуя водовороты людских течений. Проходя мимо рыночной площади, девушка уловила крики продавцов и сварливое ворчание некоторых покупателей, пытающихся сбить цену. Один торговец так витиевато расхваливал продаваемую карету, что девушка мысленно поневоле начала заканчивать за него фразы:

– Прежний владелец был без ума от этой кареты! – увещевал барыга солидного герра.

«Ага, он и сейчас ее повсюду разыскивает...» – ехидно подумалось девушке. Уж очень жуликоватый вид был у продавца.

– Дверцы захлопываются легким движением руки!

Васса про себя закончила: «Ну да... И отпираются несильным нажатием лома».

– Эта карета верой и правдой послужит вам в хозяйстве!

Наездницу так и подмывало добавить: «...в качестве затычки для дыры в заборе».

На последней фразе пройдошистого продавца:

– Покупайте у меня – не пожалеете! – девушка усмехнулась, логически продолжая речь торговца: «...меня, если потом найдете», поскольку продаваемая карета могла стать счастливой покупкой только для полного идиота – разваливающийся скворечник на колесах, не иначе.

Продавец, как будто затылком почувствовавший нездоровый интерес девушки к сделке, под локоток развернул потенциального покупателя так, чтобы тот, не дай Хоган, не увидел ехидный взгляд Вассы.

Сам же торговец недовольно зыркнул в сторону всадницы. Она сочла за лучшее не мешать естественному эволюционному процессу торговли, принцип которого – выживает и богатеет хитрейший, и двинулась дальше.

Ловя на себе безразличные взгляды простых горожан (эка невидаль, еще одна юная феррина из сотен приехала покорять столицу), а порою и смешки тех, кто познатнее (эти уже оценивали редкую масть кобылы и непрезентабельный внешний вид наездницы), девушка медленно, но верно продвигалась к дому отчима. В поисках очень помог разбойного вида пацаненок, коему был кинут медяк, но с оговоркой, что по прибытии к указанному особняку провожатый получит вдвое больше. Вот он и бежал впереди, старательно указывая кратчайший путь. Ботинки были явно великоваты шустрому мальцу, отчего попеременно слетали с его ног, демонстрируя взору наездницы потрепанные пятки. Но, несмотря на обувные коллизии провожатого, девушка достаточно быстро добралась до родового гнезда Бертранов.

Получив оговоренную мзду, шустрый проводник растворился в толпе, а Васса осталась один на один с ее новым домом. Хотя каким ее, каким домом и насколько новым?

Громадина, построенная в некогда модном ромулском стиле, взирала на всех жаждущих попасть внутрь своими зашторенными окнами. Мрачная, угрюмая. Олицетворение величия и непоколебимой решимости некогда целой династии. Место, где матушка Вассарии провела

последние одиннадцать лет в качестве законной супруги Алияс-Гронта дис Бертрана. Теперь это место стало и временным пристанищем Вассы.

Она остановилась у железных ворот ажурной ковки в нерешительности, ощущая себя приснопамятным бараном, решившим проверить бранбирские ворота на ударопрочность рогов. Уже доподлинно неизвестно, кто остался в той легендарной схватке победителем. Вроде и ворота не уцелели, и рога, хотя последние все же, по слухам, пострадали меньше, чем двухсотлетний памятник зодчества. Это еще раз подтверждало, что таран из дурости и упорства практически несокрушим.

Надвинув капюшон поглубже – противная крупа, падающая с неба, не вдохновляла любоваться окружающим, – девушка пошла на приступ цитадели. Привратник, словно последний защитник барбакана, по-индюшачьи раздувшись от важности, смерил ее презрительным взглядом. Это был слуга из породы тех, что считают себя в доме наиглавнейшими, но ровно до тех пор, пока не появится хозяин.

Вот и сейчас, облив путника (благо плащ и надвинутый капюшон скрывали все, даже пол всадника) с ног до головы презрением, процедил сквозь зубы:

– Че надо?

«Ну да, я не в соболях и горностаях, и бриллианты на перстах не сверкают, но зачем сразу брать верхние ноты хамства? И самое обидное: пошли такого далеко и надолго по... лесной тропинке – оставишь гордость в целости, а вот нервы лечить у докторусов основательно придется», – размышляла Вассария. Итогом ее дум стало решение засунуть эту спесивую привилегию дураков (потому как любой здравомыслящий богач, он или бедняк, рано или поздно поступается гордостью под гнетом ли обстоятельств, в угоду ли выгоде) в... и сыграть. Сыграть на обстоятельствах, характерах и нервах.

– Мне необходимо увидеть господина...

– Пускать не велено, хозяин с утра не в духе, – важно изрек привратник, не дав ей даже договорить.

«Не пустит», – отчетливое скорее ощущение, нежели мысль. Решив зайти с другой стороны, девушка расправила плечи и как можно более грозным тоном, добавляя баска, произнесла:

– С депешей, от службы инквизиторов! Срочно. Лично в руки.

Судя по тому, как маска надменности потекла по лицу вешним снегом, короткая речь Вассы произвела эффект. Но бастион в лице привратника не был готов к окончательной капитуляции.

– Его светлость не велел никого пускать... – вновь повторил он, но уже без спеси, и, словно оправдываясь, присовокупил: – Они ожидают сегодня прибытия падчерицы и сына своего. Только их господин велел жаловать. Однако же-с, гонцов инквизиторской службы всегда пускали и в неурочные часы...

Последнее было, скорее, размышлением вслух, а вот то, что помимо Вассы сегодня должен прибыть еще и отпрыск, весьма заинтриговало девушку.

Маменька ее после замужества так и не смогла еще раз выполнить изначальное женское предназначение, кое заключается в продлении рода, и подарить нового наследника... Но, похоже, это не привело к прерыванию мужской линии рода Бертран. Вот так нечаянно Вассария и узнала, что у нее есть брат. Приехала бы она, как и положено приличной фьеррине, в карете с компаньонкой, представилась чин по чину – так до замужества могла бы и не узнать о наличии некоторых родственничков. Домина-то вон какой. При желании разминуться легко, да и без желанья – тоже раз плюнуть.

Тем временем, приняв ее молчание, вызванное задумчивостью, на свой счет, привратник еще пуще начал нервничать. И наконец-то «созрел»:

– Сюда-с.

Приоткрыв ворота так, чтобы Пехота могла беспрепятственно пройти, позволил всаднице проникнуть в столь тщательно охраняемую им крепость. Спешившись, Васса передала поводья привратнику, который вызвался отвести кобылу на господскую конюшню, предварительно махнув в направлении парадного входа и выдав:

– Дворецкий доложит о вас-с.

Привратник все же решил снять с себя часть ответственности, переложив ее на плечи коллеги по цеху. Если что, то попадет обоим – и дворецкому, и ему, пустившим гонца в дом. Дворецкий, несмотря на всю свою степенность и вальяжность, оказался гораздо более прозорливым и сметливым, нежели привратник. Окинув пришедшего оценивающим взглядом и узнав, что тот желает видеть графиню Бертран, велел обождать в холле, пока доложит о посетителе. Через какую-то четверть клина Вассария была удостоена матушкиной аудиенции.

Годы редко красят, время, проведенное без любви, не красит вдвойне. Но матушка была, словно красное вино, что со временем, теряя пурпурную яркость оттенков, приобретает своеобразный чарующий букет. Неповторимый, по-своему приятный, такой, который хочется попробовать, но не выпить при этом бокал до конца.

Вот и она, статная, величественная, не холодная, но словно сотканная из тумана и как будто отстраненная от суеты мирской. Такой Васса ее увидела, как только та вошла в залу.

В следующий миг вся фьерра преобразилась: лицо, тело, взгляд словно ожили. И, издав короткое «ах!», матушка резко опустилась на тахту.

В голове девушки ехидная верхивостка-мысль: «Хорошо, что хоть не в обморок! Тащи ее потом, нюхательные соли ищи и доказывай испугавшейся челяди, что ты не праздный гуляка, а ее родная дочь. Хотя... может еще успеть хлопнуться», – разрушила очарование момента.

– Вассария, ты ли это?

– Да, маменька, это я.

После этого восклицания графиня Бертран подошла и обняла свою дочь. Без слов. Без единого звука, без всхлипов и надрыва. И по щекам ее в этот миг текли слезы. Великосветскости, от которой за лин несет бездушием, не осталось и в помине. Это была мать, прижимающая к себе дитя. Такая же, как и одиннадцать лет назад. По-своему любящая и переживающая.

– Ты так выросла, и копия – отец.

Она взяла лицо Вассы в ладони.

Девушка смотрела на мать и не могла сказать, что встреча оставила ее равнодушной, но и сильного душевного трепета она не испытывала. Родной и родитель хоть и созвучны, но первым и главным становится тот, кто поддерживает тебя в минуты слабости, разделяет пополам радости, и вовсе не обязательно, чтобы при этом в ваших жилах текла одна кровь. За эти годы мама не перестала быть для Вассы подарившей жизнь, но и дочернего пиетета тоже не было.

И именно в этот миг девушка поняла, что, если небо пошлет ей детей, она не пойдет той дорогой, которую выбрала мать. Лучше в бедности, но вместе, чтобы спустя годы не ощутить себя на ее месте. Когда стоишь, вглядываешься в родные черты, а та, кто кровь от крови, не может откликнуться на твои чувства. Потому что дочерняя любовь давно похоронена под гнетом прожитых без материнской ласки лет.

Матушка это, кажется, тоже поняла и словно заиндевела.

– Прости. Дважды прости. За то, что оставила, и за то, что сейчас ты стала разменной монетой для Алияс-Гронта, впрочем, как и его сын.

Вопрос о наследнике рода интересовал Вассу, но он был не первостепенен, а вот ее «жених»...

– За кого меня прочат?

Мама улыбнулась.

– Узнаю хватку... Характер старого ворчуна, хотя внешне вы как день и ночь. Он тоже не любил разводить политесы, а сразу задавал вопросы по существу, – и, словно решая непосильную для себя задачу, вздохнув, продолжила: – Отчим сговорился о тебе с графом Элроу. Этому почтенному герру далеко за шестьдесят, – при сих словах матушка скривилась, – но он пользуется доверием самого императора и ему благоволит главный инквизитор.

Инквизитор, значит... Инквизиция – карающий акинак... Меч Хогана, искореняющий сорняки инакомыслия. Бич всех магигов. Четвертая власть, с которой приходится считаться. Вассе подумалось: «И как отчим сумел сговориться с одним из любимчиков инквизиторской братии?» Ибо неправдоподобные свои достоинства, как то: неземная краса (по портретику, где Вассария в пятилетнем возрасте, судить о ланитах и женственном стане тяжело, а других изображений юной графини Бертран в природе пока не существовало), редкий ум (в том плане, что редко проявляются даже зачатки интеллекта и логического мышления – мужчины такое любят) и прочие сомнительные добродетели Васса отмела сразу. И «сват» в лице отчима, и «женишок» ее в глаза не видели, поэтому причиной брака, по разумению Вассарии, могла быть лишь выгода. Вот только какая?

Меж тем матушка, оглядев дочь критическим взглядом, вынесла вердикт:

– Тебе нужно срочно привести себя в порядок и переодеться, если отчим увидит в таком виде – будет жутко недоволен.

Девушка тяжело вздохнула. Начинается... Нет, быть марионеткой в руках отчима она не собиралась, но и выражать протест, едва явившись на порог, глупо. В воле Алияс-Гронта дис Бертрана объявить ее марой-распутницей и запереть в монастырь, начини падчерица рьяно противиться его воле. «Придется постараться сделать так, чтобы суженый сам расторг намечающуюся помолвку. Вот только как этого добиться?» – рассуждала про себя девушка.

После того как Вассу начесали, затянули, зашнуровали и застегнули, она чувствовала себя таким фарфоровым болванчиком. В куче пышных юбок. А по габаритному сходству – шевелящейся копной сена – еще не стог, но тоже весьма внушительно, – такой же большой, шуршащей и сокрушающей все вокруг. Чтобы не задеть юбкой в очередной раз миниатюрный столик, девушка решила присесть.

Впереди маячила аудиенция с отчимом, не предвещавшая ничего хорошего. В ожидании Васса и пребывала последние полсвечи, после того как ее всю такую «приграфиненую» оставили служанки.

Дверь в залу резко распахнулась, принесся с собой сквозняк, отчего батистовые платочки, аккуратной стопочкой лежавшие на столике, стайкой пугливых соек разлетелись по паркету, угнездившись на полу безо всякого уважения к труду вышивавших их шитниц.

Причиной сквозняка оказался молодой человек. Его льняные взлохмаченные волосы, собранные некогда в хвост, небрежно распахнутый сюртук и взгляд с прищуром свидетельствовали о решительном расположении мужчины, как выразились бы поэты. Вассария же, особа весьма приземленная, отметила и алкогольный душок, а точнее – перегар, мел на лацкане и след от яркой помады, коя так любима фьеррами полусвета.

Все это она разглядела, как только выпрямилась с парочкой злополучных платочков в руках, которые решила-таки поднять с пола.

Вошедший, пробежавшись по девушке взглядом, как-то снисходительно, с оттенком отчужденного пренебрежения бросил:

– Я так понимаю, вы Вассария?

Слегка резкий тон фразы в начале к концу звучал совсем обыденно. Внешнее сходство молодого мужчины с отчимом было налицо: те же тонкие, бледные, слегка поджатые губы, прямой нос, резко очерченные скулы и высокий лоб с изогнутыми дугами бровями. Желтые холодные глаза. Взгляд прямой и гордый, надменный.

«Не иначе мой нечаянный сводный братик», – решила девушка.

– Брат, вы ли это? Вот уж не думала, что впервые увижу вас в таком виде – после ночи в ресторации в компании вина, горячих женщин и удачной игры в карты.

Вассарии уж очень захотелось поставить на место этого высокомерного герра.

Обмен вопросами и взглядами. Так смотрят друг на друга противники перед схваткой.

Илас Бертран, единственный сын Алияс-Гронта (а столь стремительно появившийся мужчина был именно им), полклина назад узнал, что сегодняшним вечером род Бертран объявляет о сдвоенной помолвке. Он, по наискорейшему требованию отца прибывший в родовой дом (курьер его насилу нашел в одной из рестораций), ожидал услышать что угодно. Что отец или мачеха при смерти, что магики сожгли родовое поместье, что... В общем, что угодно, но не то, что он становится нареченным Мариции дис Ренару, глупой как пробка и невыносимой, похуже похмелья с утра, рябой, словно стиральная доска, девицы княжеского рода. Второй же «счастливицей» на сегодняшнем вечере должна стать его сводная сестренка – провинциалочка из тихонской глубинки.

Как он заочно подозревал, тоже недалекая и... скучно-правильная. Такими представлялись ему большинство жительниц провинций, коих он к своим неполным двадцати четырем годам повидал немало. Обычно такие фьеррины всегда были сопровождаемы компаньонками, следящими за вверенной им девичьей честью не хуже дозорных на крепостных стенах приграничья. Гораздо проще с куртизанками, коих в изобилии было при императорском дворе... Правда, при оном Илас был последний раз года два назад, на императорском балу, потом служба забросила его на клятую границу с Рираном.

Выскальзывал бы он еще не один год таким неуловимым призраком из загребущих брачных уз, не вмешайся отец. И дело тут вовсе не в довольствии, коим не мог попрекнуть его батюшка, поскольку служба в императорской гвардии приносила хоть и не баснословные, но деньги. Так что обеспечить себе относительно безбедное существование Илас мог и сам. Все было гораздо сложнее и проще одновременно.

Помимо исключения из рода (на которое Илас плевать хотел), родитель мог и смерти пожелать своему непослушному дитяте, сдав его инквизиции как мракобесье отродье. И не то чтобы молодой мужчина был магиком, нет, чернокнижным ведовством он не занимался. Но вот одна особенность его организма могла заинтересовать поборников хогановых заповедей: Илас ничем не болел. Вообще ничем. А однажды в детстве, упав на штырь, пропоротивший живот насквозь, выжил. После того как его, пятилетнего сеголетку, сняли со злополучной кованой ограды, рана затянулась в момент, а рубца и вовсе спустя пару клинов не осталось.

Двух слуг, бывших свидетелями сего действия мракобесских сил (а как же иначе: будь это хоганов дар, проявился бы он во всем благолепии, с божественным сиянием и херувимами, что сошли бы с небес и залечили оказию), отец срочно отослал в дальнее имение. Сам же Гронт крепко призадумался, но на всякий случай оставил отпрыска подле себя, под бдительным оком.

Сыну же, как тот подросток, Алияс во всех подробностях объяснил, что бабка Иласа с мракобесами зналась, не иначе, и что будет, узнай кто о его особом даре. Посему молодой человек в некоторых вопросах был крайне осторожен и щепетилен. На инквизиторской дыбе ему окататься не хотелось, а препятствовать проявлению своего дара он не мог.

На границе в стычках Илас несколько раз вытаскивал арбалетные болты, прошивавшие грудь и живот насквозь. Благо свидетелей таких ранений не было, а когда и были, то они молчали, руководствуясь принципом: пусть и с мракобесным даром, но лучше однополчанин, прикрывающий спину, чем Хогом благословленный неприятель, желающий отправить тебя к праотцам. Но чем ближе к столице, тем резче было неприятие «чернокнижных отродий» – тех, кто как-то отличался от большинства. В Урмисе могли за это если не казнить, то приговорить к каторге уж точно.

Алияс-Гронт же, оценив размер приданого и выгоды, что сулил союз с родом Ренару, решил женить сына во что бы то ни стало. А если тот воспротивится воле отца, что же, прин-

цип «я тебя породил, я тебя и упокою» еще никто не отменял. Поэтому в случае отказа родитель предупредил отпрыска о том, что сдаст его инквизиции. Илас знал своего отца и его вспыльчивый нрав, а умирать молодому гвардейцу не хотелось.

Мужчина, на лице которого в эти мгновенья не дрогнул ни один мускул, мысленно стряхнул воспоминания, как мокрый пес воду, только головой не помотал, и еще раз внимательнее взглянул на симпатичную девушку (не то чтобы неземную красавицу, но отнюдь и не дурнушку), обдумывая ее ответ.

Незнакомка, которую он никак не ожидал увидеть в зале, была сопоставлена с имеющейся информацией и соотнесена с именем «Вассария». На его вопрос эта глупышка должна была представиться, ну как минимум подтвердить, что это она. Ну да, подтвердила, при этом повозив его носом по паркету. «Как смогла догадаться?» – мысль, раздражающая не хуже зубной боли, вертелась в голове Иласа.

Вассария, желая окончательно добить визави, словно в насмешку, положила один батистовый платочек на стол, произнеся при этом:

– След от слишком яркой помады на шее.

Положила второй платочек и припечатала:

– От вас пахнет. И не только вином. От вас несет ресторацией. Не очень дорогой, но все же.

Опустив третий платочек, насмешливо добавила:

– Мел.

Илас скосил взгляд на рукава.

– Мел у вас на лацкане. Так обычно бывает, когда, играя, записываешь суммы ставок на сукне. Ну и если бы вы проигрались, выглядели бы чуть иначе. Не было бы помады, был бы только перегар. На любительниц белил и румян у вас бы просто денег не осталось, – и незатейливо развела руками.

Эта провинциальная выскочка вызывала у Иласа исключительно матерные чувства.

– Странная у вас, сестрица, манера – отвечать на вопросы, которые я НЕ задавал, – язвительно бросил блондин, насмешливо глядя на три батистовых платочка, так старательно разложенных Вассарией на столике.

Девушка разозлилась: «Да что этот сукин сын о себе возомнил!» У нее возникло желание разmozжить о голову красавчика что-нибудь потяжелее, однако она ограничилась не менее язвительной фразой в тон:

– Вы для реплик специально яд у гадюк собираете?

– Нет, этого добра у меня самого навалом. Могу поделиться с сирыми и убогими, так сказать, по-родственному, задаром.

Илас цинично оглядел девушку, как кобылу на торгу, пока Вассария придумывала достойный и, главное, литературный ответ. Хотя на язык у нее просились такие, у которых из цензурного – одни запятые. Ну да, приличным фьерринам таких слов знать не положено, а произносить – уж тем более.

Воспользовавшись заминкой, Илас прокомментировал увиденное:

– Да, вас, я вижу, мозг умными мыслями не балует...

«Спокойствие, спокойствие и бутылка валериановой настойки!» – Васса ощущала, что еще немного, и «игральный фасад» затрещит по швам, обнажая ту бурю эмоций, что бушевала внутри девушки.

В это мгновенье на пороге появился слуга, приближения которого Вассария даже не услышала.

– Вас желает видеть его сиятельство граф Алияс-Гронт дис Бертран – провозгласил камердинер. – Следуйте за мной.

Алияс-Гронт с утра был не в духе. Сегодня должны прибыть его сын, Илас Бертран, и падчерица – Вассария, увы, по опрометчивой глупости тоже Бертран. Ее мать и законная супруга графа по совместительству сумела уговорить его сделать столь щедрый свадебный подарок – признать падчерицу графиней. Хотя виконтское семя он не видел уже одиннадцать лет, да и желания лицезреть ее и ныне не было, падчерица все же станет достаточно прибыльным проектом.

Улрон Клест стар, препротивен и дьявольски умен. А еще пережил мракобесью дюжину жен. Это обстоятельство и было причиной того, что последние две его «нареченные» предпочли стать хогановыми невестами и уйти в монастырь, не прельстившись радостями столь короткой (в среднем пары месяцев) супружеской жизни. Ну подумаешь, две фьерры Клест упали, убившись насмерть, одна – с лестницы, другая – с замковой стены. Четыре перешли в мир иной от родильной горячки. Одна повесилась, трех заставили пойти по тому пути, откуда еще ни один не вернулся, странные и скоротечные болезни.

Ныне Улрон Клест был единственным представителем некогда многочисленного и славного рода. И последние несколько лет исступленно мечтал о наследнике. Но вот оказия – почему-то девицы знатных родов, благоденствующие и способные одарить его долгожданным чадом, не горели желанием надеть на шею брачную цепочку. Помог почтенному герру в столь щекотливом деле его давний, нет, не друг (чем больше власти, тем призрачнее не то что дружба, а даже приятельские отношения), а задолжавший ему услугу великий инквизитор. Он-то и предложил Алияс-Гронту сделку: руку его падчерицы для Клеста в обмен на свою милость и расположение. Поэтому сейчас граф Бертран был взволнован. Вассария – не его сын. Единственное, чем он может ей угрожать – отречением от рода и монастырем. Но ведь эта скудоумная и стать хогановой невестой может согласиться, кто их, девок-дурех, знает? С Иласом проще. А этой надо будет доказать, убедить, чтобы полухвеза не подалась в монастырь. Сии невеселые думы были у герра Бертрана, когда в его кабинет вошла Васса.

«Изменился, обрюзг, полысел», – первое, что подумалось девушке, когда она увидела своего отчима, от былой стати которого не осталось и следа. Лишь надменности, как всегда, в избытке, о чем свидетельствовали опущенные уголки губ и тяжелый, давящий взгляд.

Ни Васса, ни Алияс-Гронт не спешили начать разговор. Одна оценивала, продумывала линию поведения, второй банально не знал, с чего начать. Пауза затянулась, и Вассария уже решила, что лучшей линией поведения будет «игра на выдохе», как называл это дедушка. Когда шулер косит под расслабленного и наивного дурачка, свято верящего, что вот сейчас придет нужная карта. Девушка уже открыла было рот, но тут герр наконец-то разродился приветственной речью.

– Вассария, одиннадцать лет назад я признал тебя графиней Бертран и обеспечил твоё воспитание и пансион, – назидательно начал Алияс-Гронт, а девушке подумалось, что под словом «обеспечил» граф подразумевал «не взимал налоги», поскольку от отчима за все эти годы она не получила ни медьки. Меж тем Бертран-старший продолжал: – И сейчас ты должна будешь, повинувшись дочернему долгу, выйти замуж за графа Клеста.

Алияс-Гронт все же не выдержал и поморщился, как от ложки свеженатертого хрена, который способен выбить слезу даже у портового грузчика. Перед кем он распинается? Это никчемная девица, лишь по недоразумению носящая фамилию Бертран, глаза бы ее не видели, а надо... И смиренно так стоит, глаза в пол. Раздражает.

Вассария же тем временем впиалась ногтями в ладонь так, что на коже остались полумесяцы ранок, споро начавшие наполняться кровью, и молчала, опустив взгляд долу.

Граф, посчитав свою миссию свата выполненной, не дождавшись вопросов, стенаний и сцен, к коим внутренне все же готовился, изрек:

– Сегодня будет светский раут, на котором я и объявлю о вашей помолвке. Можешь быть свободна.

Бассария, не проронившая ни слова во время аудиенции, присела в реверансе со словами:

– Да, батюшка, как прикажете.

Отчим смежил веки, и девушка, посчитав это ответом, удалилась.

Глава 3

Многое зависит от чипера

В самой игре он не участвует, но порою бывает незаменим. Обычно чипер – это мелкий, шустрый, глазастый пацаненок, ловко сортирующий фишки и собирающий их в стеки. Такой еще не шулер, но по тому, как быстро чипует, можно сказать, выйдет ли из него толк, или тренировать его бесполезно.

Наблюдение Хайроллера при обучении карточному мастерству

– Выдохните, княгинюшка, еще чуток... – Служанка а тянула шнуровку корсета, словно умелый возница вожжи коренной, пустившейся в ошалелый галоп. Приложенная при этом дюжая сила, коей не всякий молодец похвастаться мог, не уступала объемным телесам Мариции дис Ренару, не желавшим впихиваться в этот пыточной предмет дамского туалета. Корсет уже трещал по швам, но все же приводил фигуру фьеррины к тому знаменателю, который позволил бы Мариции поместиться в новое платье, сшитое аккурат к сегодняшнему дню.

Ренару вцепилась дебелими ручками в спинку кровати и завывала на одной ноте:

– Сил моих больше нет!

– Потерпите еще немного, – увещевала служанка. Наконец она стянула шнуровку и, утерев пот со лба, как после дня работы в поле, выдохнула: – Все!

Мариция медленно отцепилась от своей опоры и, слегка расставив руки в стороны, сделала несколько неуверенных шагов.

Корсет стойко держал оборону, подобно тихонским партизанам времен великой эргонейской войны перекрывая канал поставок продовольствия противника, в смысле воздуха. Отчего княжна дышала неглубоко и часто. Зато у нее в кои-то веки наметился остаточный след талии.

– Обожди чуток, яхонтовая, щас раздышусь и платье будем надевать, – меж тем промолвила служанка, дородная женщина из тех, что и коня, и мужика из горящей избы на закорках вынесет.

И вправду, через пару клинов Мариция стояла перед зеркалом, облаченная в жемчужно-розовый, с кучей рюшей и рюшечек туалет, слегка уступавший габаритами чехлу от кареты.

Сегодня был день, которого Мариция ждала очень долго: день, когда объявят о ее помолвке с Иласом Бертраном.

Сколько истерик пришлось закатить папеньке, безоглядно обожавшему свою дочурку! Даже два раза объявить голодовку (впрочем, продлившуюся ровно до ближайшего обеда – покушать Мариция любила, и с размахом) и один раз отравиться (жаль только, что вместо сонных капель княжна приняла слабительные, перепутав этикетки, но отец все равно испугался за дитя, решившуюся на самоубиение). Мытьем и катаньем, угрозами и посулами, но фьеррина все же добилась своего. Герр Ренару подключил все свои связи, кого подкупил, кого принудил, но спустя год и два месяца сумел-таки сговорить герра Бертрана-старшего (за весьма солидное приданое, надо сказать) на помолвку.

Сердце Мариции трепетало. Фьеррина была объята любовным томлением в тот самый миг, когда впервые увидела Иласа на ежегодном новогоднем императорском балу. Высокой, гордый, неприступный, уверенный в себе и манящий холодной красотой вечных льдов – он показался ей тогда хогановым воплощением, сошедшим с небес. Девушка решила во что бы то ни стало сменить свою фамилию на Бертран, благо и знатность, и состояние ей это позволяли. Будучи же единственной и выпестованной дочкой рано овдовевшего герра Ренару, она не знала ни в чем отказа. И хоть в этот раз папенька и заупрямился, но в итоге вышло все,

как захотела Мариция. Поэтому сейчас она старательно прихорашивалась перед зеркалом, в красках представляя себе грядущий вечер.

Вассария же в данный момент была занята прямо противоположным, а именно пыталась придать своему животу не вопиющую, но некоторую округлость, как бы намекающую на возможность пикантного положения не фьеррины, но уже, может быть, и фьерры. При этом девушка старалась не переборщить, дабы сомнения в ее положении все же оставались, поэтому то вновь подкладывала и расправляла несколько салфеток, то убирала их из-под платья, критическим взглядом оценивая результаты своих маскировочных потуг. Волосы девушка еще раньше слегка припорошила пылью, старательно собранной на полках спальни, в которой ее оставили. Благодаря сему маневру шевелюра приобрела замечательный мышинный оттенок, настолько невзрачный, что взгляд словно соскальзывал с девушки. Данному эффекту также способствовали полное отсутствие косметики и безразличное выражение лица Вассы.

Как бы ни хотелось фьеррине оттянуть момент, когда она предстанет перед своим «суженым», но он неумолимо приближался. Наконец настал тот миг, когда необходимо было спуститься вниз, к гостям.

Девушка шла по лестнице, затаив дыхание. Нет, на нее не были устремлены взгляды пришедших гостей (число оных, к слову, оказалось не меньше сотни – и это званый ужин? Васса рассчитывала, что будет максимум дюжина приглашенных), и никто не объявлял о ее прибытии, но все же.

Первой Вассарию увидела мать, поспешившая через пеструю толчею к дочери.

– Моя дорогая, ты просто прелестно выглядишь. – Светский тон завяз на зубах сосновой смолой.

– Спасибо, маменька.

– Пошли, Алияс просил сопроводить тебя к нему, как только ты появишься. Он хочет представить тебя Клесту.

Вассария тяжело вздохнула и двинулась вслед за матушкой.

Спустя пару клинов она рассматривала высокого, седого, кряжистого мужчину, которому больше всего подошло бы слово «излишне». Такое ощущение, что природа при его творении все сделала чересчур: чересчур длинный нос, чересчур густые брови и весьма массивный подбородок; излишне тонкие губы, словно бы прорезанные на лице.

«Улыбаемся и приседаем», – сама себе напомнила Васса, старательно, но не очень изящно опускаясь в глубокий реверанс.

Клест оглядывал фигурку будущей невесты с видом знатока, которому на ярмарке навязывали тягловую кобылу по цене анжунского рысака, и кривился. За те деньги, что он присовокупил к инквизиторскому расположению, чтобы вновь пойти под венец с очередной женой, она могла бы быть более лощеной, великосветской, яркой. Ну да ладно, сойдет.

Наконец было объявлено, что ужин подан и гостей приглашают к столу.

После того как все расселись, слово взял Алияс-Гронт:

– Уважаемые фьерры и фьеррины, достопочтимые герры, сегодня у нас в семье произошло сразу два знаменательных события: мой сын и наследник выбрал себе достойную спутницу жизни, Марицию Ренару, дабы сочетаться с нею законным браком.

При этих словах графа зазвучали аплодисменты, кто-то кинулся поздравлять поднявшихся Иласа и Марицию. В общем, воцарилась атмосфера подхалимажа и зависти, старательно прикрытая лицемерными заверениями в счастье и радости.

Вассария разглядывала жениха с невестой. Колоритная подобралась парочка. Илас был выше нареченной на полторы головы и строен, как кипарис. Он принимал поздравления с настолько «располагающим» выражением лица, что все радостные или старательно мимикрирующие под них эмоции отлетали от блондина, как сухой горох от стены. В правый его локоть

хваткой, сделавшей бы честь любому бультерьеру, вцепилась Мариция. Она лучилась счастьем за двоих, причем настолько искренне, что на миг Вассарии даже стало жаль Иласа. Попал блондинчик. Но потом взгляд девушки упал на угрюмое лицо Клеста, и она мысленно усмехнулась: неизвестно, кто из них двоих попал больше. Илас с Марицией или она с Улроном. У той хотя бы не было обширного списка «предшественниц», внезапно решивших распрощаться с этим грешным миром.

Меж тем как первая волна наигранных восторгов по поводу помолвки стихла и гости расселись на свои места, Алияс-Гронт вновь поднялся, решив двинуть вторую часть высокопарной речи.

– Нам поесть сегодня дадут? – шепот на грани слышимости достиг слуха Вассы. И голос был знакомый.

Девушка посильнее откинулась на спинку стула, и ей удалось-таки разглядеть говорившего. Им был не кто иной, как Эрден дис Антер – недавний улан-дознатель из трактира. Неизвестно почему, но это обстоятельство весьма обрадовало Вассу.

– Разрешите, достопочтимое собрание, объявить также и о помолвке моей падчерицы, Вассарии, урожденной Хайроллер, ныне дис Бертран, и Улрона дис Клеста.

«Не преминул-таки подчеркнуть, что я его падчерица, а не родная дочь, хотя каждой сонной мухе на стекле это известно», – невольно отметила девушка. Меж тем ей пришлось так же, как и Иласу, вставать со своего места, идти к «жениху», чтобы вместе принять причитающиеся по сему поводу поздравления.

«Здорово Алияс сэкономил, устроив две помолвки в один день. Такую ораву прихлебателей, поди, два раза накорми», – меж тем практично прокомментировала Васса про себя.

Засвидетельствовать свою радость подходили многие, и вот уже в черед радостеизъявителей мелькнула знакомая макушка Эрдена, когда раздался истошный женский визг, потом треск и, наконец, грохот. Краем глаза уловив суть происшедшего на другом конце залы, Вассария, не теряя времени даром, начала воплощать свой план по отвращению от своей персоны Клеста и картинно стала оседать в обморок.

Вообще-то девушка рассчитывала, что подхватит ее Клест, как стоявший ближе всего. Но то ли мужик был привычен к подобного рода дамским инцидентам и приобрел к ним иммунитет, то ли не успел среагировать. И хотя Вассария оседала как можно медленнее (но двигаться по направлению к полу ей все же приходилось, а то что это за обморок, падение в который продолжается пару клинов), был близок миг, когда затылок звучно поцелует паркет. На помощь девушке пришел неизвестный мужчина, из наружности которого лицедейка успела разглядеть лишь черный с серебряной вышивкой камзол. После чего ей, дабы не выйти из образа лишенной чувств фьеррины, пришлось прикрыть глаза.

Причиной же столь стремительного падения Вассарии и визга Мариции (а кричала именно она) послужила домовая пищуха. Столь бурная реакция еще раз подтвердила непреложное правило: путь мыши проложен через упавших в обморок женщин, ну или на крайний случай дико верещащих. Мариция, увидев погрызушку, взвыла так, что стекла задрожали. Корсет, не выдержав давления превосходящих сил противника, решил сдаться без боя и разошелся по швам. А за ним и платье. Теперь княжна верещала уже по другой причине, правда, нужно отдать ей должное, перехода в тональности почти не было, а взятую ею «си» она держала несколько клинов подряд.

Наконец, когда ее слегка успокоили четырьмя бокалами крепкого вина (на циничный взгляд Иласа одна пощечина для заистерившей дамочки была бы куда более эффективной и менее затратной) и увели из залы, все внимание наконец-таки сосредоточилось на Вассарии. А девушке это и было нужно.

Вздохнув, она затрепетала ресничками и приоткрыла глаза.

– Как вы себя чувствуете? Что-нибудь нужно? – зазвучали участливые голоса светских стервятников, чувствующих новый виток пикантного скандала.

«Сегодняшний вечер определенно удался, потому что завтра некоторым его участникам будет стыдно о нем вспоминать. И если с иласовой суженой все случилось нечаянно, то я сама себя сейчас загоняю в ловушку...» – не к месту подумалось Вассе, и девушка неслышно прошептала:

– Прости, Эрден, но больше некому.

Вздыхнув свободнее и приняв сидячее положение, уже вслух Вассария, кося под альтернативно-одаренную, произнесла:

– Да, можно водички и... соленого огурчика, – и, невинно захлопав глазками, присовокупила: – В последнее время меня постоянно тянет на солененькое.

Клест при этих словах лишь плотнее сжал губы, но смолчал. Алияс нахмурился, но более ничем также не выказал своего недовольства.

Вассария, решив, что терять уже больше нечего, (пропади она пропадом, эта репутация, жизнь и свобода дороже), наклонилась, изображая приступ тошноты. Жених с отчимом и на этот ее выпад никак не среагировали, хотя гости уже начали со значением перешептываться и кивать друг другу, дескать, девица-то «с душком».

Девушка же доигрывала комедию до конца. Вот она побледнела, будто только сейчас осознавая, что все это значит. На лице ее отразились муки совести, закованной в рамки условностей и приличий. Узнай кто в этот момент, о чем думала Васса, весьма бы удивился. Она размышляла, как могла среди бронзы, позолоты и мореного дуба так своевременно появиться мышь. По прикидкам девушки выходило, что погрызуху сюда заботливо принес кто-то из гостей. И тут взгляд ее упал на входную дверь. Из-за одной створки высунулась голова посыльного мальчишки, из прислуги. Рот, украшенный дыркой от выпавшего молочного зуба, был растянут от уха до уха в довольнейшей улыбке. «Шалость удалась, да еще как!» – словно было написано огромными рунами у него на лбу. Глаза сияли безмерным счастьем. Ибо что может быть радостнее осуществленной шкоды, за которую еще не поймали и не наказали?

На переднем же плане резкий контраст с посыльным составляло лицо Иласа. Каменно-заиндевелое, непробиваемое и надменное, и не угадаешь, о чем думает. «А ведь он наверняка, как и я, жалеет, что мышь не появилась раньше. Если бы бенефис пиццухи состоялся на пять клинов ранее, может, и не было бы объявления о помолвках. Дамы бы повскакивали, попадали бы обморочными кеглями на паркет, началась суета, какие уж тут возвышенные речи. А под шумок можно было бы и скрыться, прихватив родовое кольцо и серьги, предоставленные Алияс-Гронтом на вечер, чтобы показать падчерицу в выгодном свете», – размышляла девушка.

Наконец лицедейка сочла паузу достаточно затянувшейся и, придав своему лицу как можно более трагическое выражение, произнесла:

– Отец, должна сознаться. Я беременна.

Наступившая тишина сделала бы честь любому фамильному склепу. Вассария могла бы поклясться, что слышит, как крутятся шестеренки в мозгах некоторых гостей, уже сочинявших подробности столь пикантного заявления. Тут до нее еще раз донесся шепот Эрдена, который склонился к уху другого мужчины:

– А вечер все интереснее и интереснее. Ради этого действительно стоило оторваться от квартальных отчетов.

Вассария коварно усмехнулась: «Ну, погоди, сейчас тебе будет не до веселья!» – и заговорила быстро, опережая отчима, уже готового разразиться обличительной тирадой.

– Я грешна перед Хогом и вами в том, что не рассказала сразу. С недавних пор я уже не графиня Бертран. Мой муж и отец ребенка Эрден дис Антер.

И в доказательство своих слов девушка достала из корсажа брачную подвеску, столь опрометчиво забытую уланом в таверне.

Эрден не чурался общения с женским полом, и к своим почти тридцати даже составил некую классификацию, согласно которой, кроме фьеррин легкого поведения, существовали еще и облегченного поведения – дамы полусвета. Любовницы были отнесены им к женщинам полутяжелого поведения, а жены – тяжелого, порой невыносимого поведения.

Последних двух категорий ему пока удавалось избегать, поэтому такой подлости судьбы мужчина не ожидал. Только он успел порадоваться успешно проведенной операции, оказавшейся в последний момент на вздох от срыва, как теперь это. Нет, конечно, от сомнительной радости брачных уз он отопрется. Не было ни венчания, ни записи в приходской книге, но слух будет летать долго. А светские сплетники из тех, что видят краем глаза, слышат краем уха и думают краем мозга, домыслят столько подробностей, что потом хоть полгода не вылезай из департамента.

«Мракобес подери, какая шустрая девица! И как быстро тогда смылась из таверны!» – невольно восхитился он. Эрден, конечно, вспомнил о родовой брачной подвеске, которую для убедительности образа пришлось поставить на кон в злополучной игре, но когда он вернулся в таверну полсвечи спустя, сметливой девицы и след уже простыл.

Граф Антер, посокрушавшись немного над безвозвратной, как он думал, потерей, плюнул в итоге. Женидьба светила ему еще не скоро, потому как Эрден полагал, что выбирать спутницу надо если не по любви, то хотя бы по взаимному уважению. Подходящей же фьеррины на эту роль пока еще и на горизонте не было. Да и не такая это большая проблема. Ну подарит он своей невесте не родовую подвеску, а новую брачную, сделанную ювелирами специально для нее.

Партии же, о которых зачастую сговариваются главы сиятельных родов, иногда такие выходят, что супруги без стилета и бутылка с универсальным антидотом вместе ужинать не садятся. Поэтому сговоренной жены Эрден себе не хотел ни под каким соусом. Сам выберет, не безусый юнец уже. С отцом у них по этому поводу и так давно уже была негласная договоренность.

Антер-старший, в свое время испытывший на себе все прелести договорного союза, такой участи сыну не желал, поэтому в его личные дела не вмешивался. Лишь однажды обронил: «Это твое дело, с кем проводить вечера и ночи, но если обесчестишь девицу знатного рода, и она от тебя понесет – женю». Эрден, памятуя о том разговоре, был в вопросе отцовства очень аккуратен, и проколов у него ни разу не случалось. Но он даже предположить не мог, что у фьерры Судьбы настолько специфическое чувство юмора.

С того приснопамятного разговора минуло уже больше тринадцати лет, и Эрден высоко взлетел по служебной лестнице. До отца ему еще было, конечно, далеко, но и с помощником главного дознавателя в свете приходилось считаться.

А за свою карьеру Эрден потоптался по большим мозолям многих сиятельных господ. И сейчас за его спиной зубоскалили. Впрочем, мужчине было не привыкать. Вот только некстати вспомнилось это отцовское напутствие.

Шаркающую кавалерийскую походку, выдававшую в ее обладателе человека военной закалки, дознаватель знал. Вот не зря же в голове крутилась фраза тринадцатилетней давности, сейчас она показалась молодому мужчине пророческой.

– Ну наконец-то! Дождался того славного мига, когда скажут, что я вскоре стану дедом! – Приятный баритон подходил невысокому, в годах мужчине так же, как корове парчовое седло. Создавалось ощущение, что для того, чтобы проникнуться величием и значимостью этого человека, его нужно только слушать. Но стоило открыть глаза, как сразу возникал диссонанс. Внешне обладатель столь чарующего слух баритона больше всего походил на отутюженного и начищенного воришку с шахинского рынка (если таковому при его прыткой и опасной работе удалось бы дожить до почтенных седин). Щуплый, точный и в то же время плавный в движе-

ниях, мужчина так быстро просочился сквозь толчею сплетников, что те просто не успели расступиться. А когда поняли, кто это, отскочили, посшибав сзади стоящих затылками.

«Надо срочно как-то исправлять ситуацию!» – галопирующая не хуже норовистого жеребца мысль пронеслась в сознании Эрдена. Он уже было сделал несколько шагов по направлению к вновь прибывшему мужчине, чтобы объясниться, потому как ситуация не нравилась ему все больше, но, проходя мимо тахты, где восседала его неожиданная женушка, познал всю суть женского коварства. Острый каблук Вассы с силой вонзился ему в ступню, едва ли не пропоров ботинок. Девушка старалась, вкладывая всю душу и силу в этот почти не заметный со стороны маневр, и таки добилась желаемого. Эрден зашипел от боли, лишь воспитание и выдержка (благодаря которым герр назовет кошку кошкой, даже запнувшись об нее в темноте) не позволили дознавателю кратко, емко и матерно охарактеризовать свои впечатления от произошедшего.

Васса же, не теряя времени даром, наклонилась к самому уху Эрдена и протараторила:

– Подыграй. Верну тебе твою родовую цацку, с наваром верну, только помоги выбраться из этого дома. – Видя взгляд Эрдена, который буквально вымораживал, девушка быстро сменила тактику: – И отцу твоему объясню, что ошибка с замужеством вышла, только помоги!

В том, что возврата нет, Вассария уже убедилась. Отчим не простит ей попорченной репутации рода Бертран и по окончании вечера либо прибудет на месте, либо сошлет в монастырь. Знала бы, что так обернется, продумала бы, стоит ли вообще ехать в столицу?

Вассе вспомнилось прощальное напутствие деда: «В тихонской глуши тебе, Ас, делать уже нечего. Езжай в столицу, а как оно уж там выйдет – смотри сама. Ты девочка неглупая. Создавай свою судьбу, играя на грани фола, опережая мысли и желания толпы так, чтобы самой разложить нужный тебе дропкат обстоятельств...» Вот она и старалась, понимая, что от нескольких слов зависит очень многое.

Эрден же в этот момент больше всего хотел собственными руками придушить эту маленькую шантажистку, но сдерживался. Если она подтвердит перед отцом, что все произошедшее не более чем фарс, то удастся оправдаться если не в глазах света, то хотя бы родителя.

– Нам надо поговорить с... – мужчина словно споткнулся о слово, но потом все же выплюнул: —...супругой. И лучше всего это будет сделать у нас дома, папа.

Последнее слово он выделил особо, намекая на то, что и родителю следует удалиться. Честное и не очень собрание при этих словах заметно оживилось, напомнив осиное гнездо, ошпаренное кипятком.

Первым опомнился Алияс-Гронт, выдавивший-таки на лице любезную улыбку. В этот момент с Эрденом дис Антером они были схожи в одном: стремлении прикопать где-нибудь в укромном уголке одну несносную девицу. И оба пока не могли осуществить свои мечты. Однако, помимо прочего, Алияс был еще и озадачен. В случае помолвки с Клестом великий инквизитор сулил ему свое расположение. Но что будет теперь, когда оказалось, что его падчерица умудрилась выскочить и понести от сына главного борца с мракобесьем?

– Тогда разрешите откланяться... – произнес шустрый господин, как оказалось, еще и являвшийся отцом Эрдена.

– Было приятно вас лицезреть, инквизитор... – в тон ему вещал Алияс-Гронт.

И хотя его короткая речь, окрашенная в приветливые светские полутона, соответствовала нормам этикета, в ушах Вассарии она звучала набатом: «Инквизитор! Великий инквизитор! Теперь мне точно конец. Качественно и с гарантией».

Схватив названную женушку под локоть, Эрден тараном понесся к выходу из зала. Васса едва успевала переставлять за ним ноги и чувствовала себя щенком на привязи. Широкое, неудобное платье не позволяло ей выбраться из толпы с нужной скоростью, поэтому мужчина периодически тянул ее с удвоенной силой, отчего верхняя часть корпуса девушки уходила впе-

ред, а пышные юбки, благодаря вшитым в подъюбник кольцам, образующим подобие полу-сферы, не проходили в узкие промежутки, что так часты в толпе гостей.

И все же Эрден справился с задачей не хуже именитого сомелье, выдернув Вассу пробкой из бутылки людского водоворота. Девушка и не трепыхалась, размышляя, отчего ей в последнее время так не везет.

После того как отец и сын Антеры с Вассарией сели в карету, и та тронулась, Эрден все же не выдержал:

– Какого мракобеса ты там устроила? – В голове Эрдена крутились и более хлесткие формулировки вопроса, но он кое-как сдерживался, впрочем, из последних сил.

Вассария, не говоря ни слова (потому как опасалась, что, открыв рот, может спровоцировать мужчину перейти от слов к действиям), нащупала на шее цепочку с подвеской и, сняв ее, протянула Эрдену.

Инквизитор, до этого момента наблюдавший за молодыми людьми, вдруг захохотал. Нет, даже не захохотал. Заржал, хотя благородные герры не знают, что это такое. Он смеялся от души, вытирая выступившие слезы.

Васса и Эрден с недоумением смотрели на него. Мужчина даже руку, что тянулась к кулону, на полдвижении остановил. Да и лицедейка была изрядно ошарашена.

– Юная фьерра, ну и представление же вы устроили! Даже я грешным делом купился! Как мальчишка. А Эрден-то как перепугался! Сын без малого десять лет успешно уклонялся от охотниц за состоянием. Тех, кого не смущает ни внешность, ни должность, ни возраст жениха, лишь бы деньги были. А тут вы в каких-то пару вздохов рушите его репутацию неприступного сердцеда.

Вассария слегка нервно улыбнулась, понимая, что если ее и попытаются придушить, то не прямо здесь, в экипаже. И только хотела откинуться на спинку сиденья, как карету резко тряхнуло. С улицы послышалось истошное ржание лошадей, и девушка почувствовала, как повозка, резко накренившись, начинает стремительно заваливаться набок.

Эрден, еще до конца не осознавая, что происходит, попытался выскочить наружу, но его отбросило из-за крена назад, и он основательно приложился плечом о стенку кареты, в конечном итоге упав на Вассарию.

Самым невозмутимым оказался инквизитор. Он будничным тоном прокомментировал:

– Ничего нового придумать не могут. Без изюминки ребята работают, без энтузиазму.

– О чем это вы? – Любопытство женщин губило не один раз, и Васса тоже была подвержена этой губительной черте всех фьерр.

– Да о покушении. Это уже второе на этой неделе. Магики никак успокоиться не могут.

Девушка, на которую до этого ни разу в жизни специально не покушались, ожидала, что сейчас распахнется дверца кареты (на данный момент выполняющая роль потолочного люка) и их расстреляют в упор из арбалетов или заколют кинжалами.

Инквизитор же был спокоен, как мешок картошки, на зиму залегший до весны. Эрден, осознавший, что происходит, проявил по этому поводу легкое матерное недовольство. Такая реакция спутников слегка успокоила девушку. Если они не дергаются, может, и обойдется. И вправду, спустя несколько вздохов, а затем и клинов в карету с убийственными желаниями никто не ломился. Лошади, все еще взволнованно всхрапывающие и гарцующие на месте, постепенно успокаивались.

Дознаватель, желая выпрямиться, уперся в первое, что попало под руку. Бедро лицедейки оказалось удобным для опоры, но девушке это почему-то не понравилось. «Интересно: и почему же?» – размышлял мужчина. Вариант, что при этом юбки и панталоны задрались неопозволительно высоко, так что под его ладонью оказалась оголенная кожа Вассарии, мужчина отринул как маловероятный. Истинную женскую натуру, нарочито-стыдливую и распутную в душе, он познал хорошо.

Вассу в первое мгновение возмутило то, что ее лапают, как сенную девку, однако девушка решила, что устраивать скандал не ко времени и не к месту, но при удобном случае она припомнит Эрдену этот маневр, и лишь недовольно зашипела. Инквизитор, будучи свидетелем сей пикантной сцены, лишь усмехнулся.

Наконец, после того как все трое выбрались из кареты – а к тому времени и изрядно хромающий помятый возница подбежал, – было осмотрено и место происшествия.

Эрден провел рукой по передней оси и что-то задумчиво растер между пальцев, а потом еще и принохался – не хуже ищейки. Инквизитор со вниманием оглядывал место, куда пришлось основное направление взрыва. Вассария же, ничего не понимавшая в тонкостях сыскной работы, просто оглядывала улицу.

Промозглый, вьедливый, как фининспектор, ветер норовил залезть под плащ и вытеснить оттуда законного хозяина. Снег, еще с утра валивший противной крупой и таявший, едва только опускался на землю, к вечеру превратился в сплошную корку, и вся улица напоминала каток. «Чтобы передвигаться по такому льду, нет ничего лучше терок. Привязал их на ноги, и можно смело бежать по улице, правда, с лягом рыцаря тихонского ордена, ну да это мелочи», – отстраненно подумалось Вассарии. Но, помимо ехидного внутреннего голоса, что-то не давало девушке покоя. Что-то ее смущало, но она не могла понять что. Такое же ощущение у нее было, когда дед в игре пытался ее провести: она могла не заметить, где именно он «откатал масть», но внутренним чутьем ощущала: блефует.

Вот и сейчас... Она не могла сказать, в чем и как точно, но было ощущение, что это покушение отдает душком блефа умелого шулера. Судя по тому, с какой интонацией Эрден задал следующий вопрос – не у нее одной.

– И давно на тебя стали совершать столь специфические покушения?

– Несколько недель назад, – и, опережая следующий вопрос сына, инквизитор добавил: – С самого начала эти покушения были какие-то не такие. Ты знаешь, меня не раз пытались отправить к праотцам, но только теперь перед каждой попыткой эти... чистильщики предупреждают письмом. Как-будто боятся ненароком убить.

Эрден смотрел на обод, на покореженный облучок, на низ дверцы кареты. И то, что он видел, ему все больше не нравилось. Направление взрыва не то, совсем не то. Если хотели бы убить наверняка, кидали бы под днище, а еще лучше в окно кареты. Конечно, экипаж ехал на приличной скорости, но если постараться... Улица пуста, вечер. Он бы именно так и поступил. А тут, воля Хогана, несусветное что-то. Свои догадки мужчина и озвучил.

В наступившей после этого тишине голос Вассы, слегка надсаженный по причине пережитого волнения и потому напомнивший в первых звуках вороний клекот, заставил мужчин вздрогнуть.

– А почему вы так уверены, что это магии?

– Хотя бы потому, что послания с предупреждениями о покушениях были именно от них. Да и это логичнее всего. Именно инквизиция стоит костью в горле у этих чудодеев.

Вассарию поразила интонация инквизитора. Казалось бы, при одном только упоминании о магиях великий и ужасный должен был воспылать праведным гневом, а он... как-то слишком обыденно просто отреагировал. Но это наблюдение не дало сбить девушку с мысли:

– Тогда почему они использовали не свои чародейские приемы, которыми пугают всех чуть ли не с младенчества: ну там огненным шаром бы запустили или ледяные стрелы намагичили...

– Юная фьеррина увлекается сказками... – усмехнулся инквизитор, однако легкий непринужденный тон не сочетался с кипучей работой мысли, что проглядывала в посерьезневшем взгляде. – Хотя в чем-то вы все же правы. Это надо обдумать.

Великий и ужасный еще раз оглядел карету, обернулся к кучеру и приказал:

– Поймай два экипажа. Для меня с Эрденем и второй для фьеррины.

Кучер, которому не надо было дважды повторять, резво похромал исполнять приказание.
– В департамент? – скорее утверждая, чем спрашивая, озвучил предположение Эрден.
– Верно.

При взгляде на этих двоих у Вассы невольно возникло чувство, что перед нею не просто отец и сын – они одна команда. Возраст и опыт. Молодость и сила. Слаженный, четкий тандем, в котором двое понимают друг друга с полувзгляда, чувствуют спину партнера. И пусть они не всегда вместе, но если оба берутся за дело...

Меж тем из-за угла вылетела бричка, в которой на правах победителя на пассажирском сиденье расположился инквизиторов кучер. Он был доволен, что так быстро исполнил данное ему поручение.

– Олух, а где второй экипаж?

– Дык нетуть. Только этот, – развел руками слуга.

Инквизитор обернулся, вперившись взглядом в Вассу, как в досадную помеху.

– Я могу и с вами поехать... И подожду там, сколько нужно.

Прозящие интонации не были коньком девушки, однако хоть холод был и не собачий, но постой на этаким ветру клинов двадцать – и продрогнешь до костей. А этого девушке ой как не хотелось. Эрден, похоже, рассуждавший так же, махнул рукой.

– Ладно, давай с нами, но только не путайся под ногами.

Извозчик, услышавший адрес места прибытия, заспешил так, словно у него в экипаже фьерра на сносях резко надумала рожать, не иначе. При этом бричка выделяла такие кульбиты на поворотах, что родила бы не только беременная, но и мужик (хотя эта функция природой для него и не предусмотрена). Услышав знакомые и красиво связанные многоэтажные фразы, коими кучер щедро сдабривал попытки обуздать тягловую животину, не к месту вообразившую себя рысаком, Вассария мысленно выдохнула: «Наконец-то подъезжаем!» Бричка, несмотря на все потуги извозчика, резво пролетела мимо парадного входа в инквизиторский департамент и имела неплохие шансы, пройдясь юзом, затормозить о фонарный столб, но обошлось.

Антер-старший, выбравшийся из повозки и тоже находившийся под впечатлением от обзорной экскурсии, кинул серебришку кучеру. На просьбу же того сотворить хоганово знамение, «чтобы удача не покидала», изобразил настолько размыто-замысловатый жест, явно отдававший матерщиной, что даже дурная кобыла, которая и обеспечила великому инквизитору непередаваемый букет впечатлений, смутилась.

После столь емкой и красочной пантомимы великий и ужасный развернулся на каблуках и решительно направился в департамент. Эрден следовал за ним неотрывной тенью. Вассарии ничего не оставалось, как повторить маневр «муженька».

В темных пустынных узких коридорах пугливым эхом отдавался гул шагов троих неожиданных посетителей. Наконец ключ, вставленный в замочную скважину, проскрежетал о металл. Звук вышел такой, что девушка поняла: никакой охраны кабинету и не требуется. Любог вор, решивший пошерудить отмычкой, оповестит о своем намерении всех глухонемых окрест. Эрдену услышанное тоже не понравилось, он скривился, как зять, пришедший под утро на бровях к порогу дома и обнаруживший там «любимую» тещеньку с распростертыми проклятьями. Наконец дверь открылась, пуская пришедших в святая святых департамента.

Обстановка кабинета инквизитора ничем не отличалась от таковой у любого чиновника средней руки: выдавший виды, потертый, а местами и затертый добела, но добротнo собранный секретер (наверняка хранивший не одну опасную тайну), продавленное кресло и шкаф для бумаг с вечно открытой дверцей, которую как старательно ни приставляй, все равно через два клина повиснет сломанным крылом.

– Покажи письма. – Требовательный голос Эрдена оторвал девушку от созерцания.

Великий инквизитор открыл один из множества ящичков стола и извлек оттуда пухлую стопку, перевязанную пеньковой бечевкой. Протянул ее сыну. Мужчина углубился в чтение.

Спустя полсвечи он оторвался от посланий и спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Если это не магии? Кому еще ты опять встал костью поперек горла?

– Скажи, скорее, кому я не мешаю, список получится гораздо короче.

– И все же?

– В последнее время хоганов всерадетель стал со мной особенно приветлив...

– Да вы уже сколько лет делите с ним власть, перетягивая Ваурия каждый на свою сторону, словно дети тряпичную куклу.

– Будто мы одни! Твой начальник, Эрден, тоже играет с нами в эту занятную игру.

Вассария слушала разговор отца и сына, и ее удивление все возрастало. Каждый в империи знал, что инквизиция и всерадетель – две длани божьи, что даруют мир и покой, защищая от мракобесья, несокрушимые в своем единстве. Во всяком случае, так вещал хоганов пастырь тихонской молельни каждую воскресную проповедь. Правда, Васса на этих мероприятиях откровенно зевала, старательно игнорируя визгливый голос проводника слова божия. Последний, кстати, ассоциировался у девушки с матерым козлом, но не только из-за бороды и порою туповато-решительного выражения морды лица. Воняло от него знатно, ядрено, как и от приснопамятного парнокопытного. Да так, что не всякая вошь решится на дегустацию столь пикантно приправленного блюда. Но все прихожане терпели – слуга вышнего как-никак.

А сейчас оказывается, что две «длани» нороят не только показать друг другу кукиш, но и надавать оплеух. Занятно. Меж тем великий инквизитор продолжал:

– Я, конечно, заинтересовался, отчего попал в расположение всерадетеля и, обеспокоенный его благополучием и здоровьем, обеспечил ему тайную охрану со своей стороны.

«Ну да, – хмыкнула Вассария, – сейчас это так называется...»

По хитрющим глазам обоих мужчин девушка поняла, что к шпионажу во всех его проявлениях оба собеседника относятся более чем благосклонно.

– Единственное, что удалось узнать, – достопочтенный хоганов дланник все так же не прочь исповедовать симпатичных монашек из обители святой Баяны, преимущественно в среду, ближе к вечеру.

– А подослать ему наушника не пробовал?

– Пробовал, и не раз! Но все мои шпионы на чем-то да прокалывались. Ни одному не удалось втереться в доверие.

– А если в монастырь кого послать? И оттуда?

– А где я тебе непорочную девицу найду знатного рода, согласную на меня шпионить?

На недоуменный взгляд Эрдена инквизитор пояснил:

– В монастырь этот простолюдинок не берут, да еще, чтобы стать послушницей, арку входа пройти надо. Считается, что она объявляет волю святой: прошла – можешь стать хогановой невестой, нет – и суда нет. А эта зараза архитектурная – артефакт реликтовый, самой этой святой Баяной по преданию осененный, только девственниц и пропускает. Когда непорочность невесты до брака проверить, я понимаю – оно самое то, но мне-то как шпионку подослать?!

– А как же они потом... – Эрден спохватился, что у столь интимной темы есть весьма внимательная слушательница, и смутился, однако мысль довел до логического конца: – ...кхм, после посещения всерадетеля обратно в монастырь проходят?

– Через боковую дверь. А через эту мракобесью арку лишь один раз, перед тем как в послушницы идти.

Тут инквизитор, сощурившись, стал внимательно разглядывать Вассарию. И резко выстрелил вопросом:

– Девица или уже нет?

Васса, в первый вздох опешившая от такого вопроса, на мгновение растерялась, но и этого было достаточно. Ее язвительный ответ:

– С одной стороны, да... – был инквизитору уже безразличен.

Девушка мысленно корила себя: дед научил ее блефовать, но в игре, когда она знала и была готова к этому, а вот так неожиданно...

– Как догадались? – без обиняков спросила Васса.

Надо же знать, на чем именно прокололась: бровь, поджатые губы, пальцы рук, собранные в кулак. Язык тела самый правдивый, и не всегда за ним уследишь, поэтому-то и оттачивают шулеры каждое движение до волоса.

– У фьеррин много по чему можно догадаться: ты, например, сощурилась перед ответом. Это говорит о том, что ты собираешься отбрить собеседника. Если бы покраснела и замялась, были бы еще сомнения, а так – нет, для жертвоприношений годишься, – усмехнувшись, закончил инквизитор.

Васса же решила выяснить все, интересующее ее по этому вопросу, до конца и плевать на стеснение.

– А мужчин?

– У мужчины нет признаков лишения девственности, кроме его наглой, довольной рожи...

Правильность этого утверждения подтвердила хитрая улыбка Эрдена, обосновавшаяся на его лице при последних словах инквизитора. Хотя он старательно, но безрезультатно пытался ее скрыть.

После короткого экскурса по основам кинесики инквизитор вновь резко сменил тон:

– Милая фьеррина, я, будучи свидетелем сегодняшнего действия, хотя и изрядно запоздал на светский раут, был удивлен вашим лицедейским талантом. Признаться, поначалу даже все-ррез поверил в происходящее, – и, не меняя интонации, инквизитор перешел к делу: – Поэтому предлагаю вам сотрудничество на благо святой инквизиции и меня лично. И учтите, отказа я не приму.

Вассария молчала, чувствуя, что сейчас ступила на тонкий лед. С такими людьми, какими бы они ни были милыми и обаятельными на первый взгляд, не шутят. Таким не отказывают. С другой стороны, как говорят торговцы удачей или каталы: «Торг всегда уместен, даже с судьбой». Почему бы не попробовать?

– Помощь святой инквизиции – дело, угодное Хогану, а за верное служение всевышний одаривает своею милостью...

– Что именно ты хочешь? – Деловой тон меча хоганова напомнил о рыночных торговцах. У тех тоже, как только речь заходила о барышах, голос с переливно-ручейного, восхваляющего товар, становился сухим и звучал так, будто костяшки счетов щелкали.

– Свободы, звонкой и отчеканенной с профилем императора, и независимости от воли отчима.

«Причем последнее – гораздо важнее», – про себя добавила Васса.

– Я подумаю над этим.

«И ничего не сделаю», – продолжила мысленно девушка.

Эрден же, будучи лишь наблюдателем этой сцены, внутренне все больше противился задумке отца. Хотя девица была шустра и как нельзя лучше подходила на роль, которую уготовил ей великий и ужасный.

– Нет, она не будет в этом участвовать. – Спокойный голос дознавателя говорил о том, что для себя мужчина уже что-то решил и теперь намерен отстаивать свою точку зрения до конца.

– А это уже не тебе решать, сын мой, а ей, – и Антер-старший кивнул в сторону Вассы.

– Надеюсь, что великий инквизитор велик во всем, и в его мудрой голове есть не только план, как мне проникнуть в обитель святой Баяны, но и как выбраться оттуда, желательно не по частям.

На эту шпильку хоганов каратель лишь усмехнулся и, еще раз внимательно оглядев Вассу, прицелкнул языком, добавив:

– Думаю, сработаемся.

Глава 4

Мартингал по-монастырски

Игрок, мнящий себя опытным, при проигрыше может использовать мартингал – удвоение ставки, дабы при следующей игре не только вернуть утраченное, но и остаться в плюсе. Шулер любит работать с таким, поскольку ободрать его до последнего медяка можно намного быстрее, чем при обычном ходе игры.

Из заметок герра Хайроллера

– Головой за нее отвечаешь, понял?

Эрден поймал себя на мысли, что волнуется, как безусый драгун на первом задании, но поделаться ничего не мог. Самому ему не раз приходилось бывать и подсадным селезнем, да и уткой однажды тоже (в тот раз дознаватель облачился в женское платье, и бабушка Урина в его исполнении запомнилась надолго всему отделению). Вассария же еще не настолько опытна. Одно дело изобразить пьяную деваху в таверне, другое – провести настоятельницу монастыря при целой толпе народу. Ну, допустим, не толпе, но все же... Поэтому Эрден переживал, убеждая себя, что его тревога вызвана исключительно волнением за ход операции, а не за отдельную ее участницу.

Мужчина перевел взгляд на Вассарию. Сейчас она была абсолютно не похожа на ту клейкую, как намокший леденец, девку из таверны, от которой хотелось побыстрее отделаться. В двенадцати шагах от него стояла симпатичная, может, чересчур наивная провинциалочка в сером дорожном платье с саквояжем в руках.

Эрден подошел к девушке, чтобы дать последние наставления:

– Ты все поняла?

– Да. Как думаешь, клюнет?

– Наверняка. Ему нравятся именно такие: тихие, скромные, свежие. Если бы иначе – его бы посещали фиррены лавандового квартала.

Вассария хмыкнула. Слава об обитательницах данного квартала разлетелась далеко за пределы столицы. Благопристойные фиррены со вкусом сплетничали о том, как в оном попираются все мыслимые добродетели. При этом говорили, что о такой мерзости даже упоминать не стоит, и тут же в подробностях живописали разврат (интересно, откуда они точно знали, что там творится, если никогда не были по указанному адресу?), творимый в домах за лавандовыми шторами. Многие же герры при упоминании заведений этих улиц мечтательно закатывали глаза (главное, чтобы оно жеста не видели супружницы) и улыбались.

– Значит, буду нежной и свежей. – Вассария усмехнулась. – Лицедейство – залог апсвинга, поэтому что-то, а играть роль я умею.

Эрденому показалось, что он ослышался, поэтому переспросил:

– А при чем здесь свинки?

Вассария лишь усмехнулась:

– И как ты, не зная элементарных вещей, планировал прижать тех катал? Апсвинг – это когда тебе везет в игре либо по дурости, либо по умению.

– А я и не планировал прижать, мне просто нужно было им проиграться. Кстати. А откуда ты щеголяешь такими терминами?

Васса прикусила не в меру болтливый язык, но было поздно. Эрден не хуже борзой встал в стойку, почуяв дичь, в роли которой выступало прошлое девушки.

Чтобы хоть как-то выиграть время и уйти от прямого ответа, она промолвила:

– После того как все закончится, обязательно расскажу, договорились?

– Хорошо, договорились, но учти, я запомнил, – и, зачем-то поправив девушке воротничок, Эрден добавил: – Пошли, уже пора.

* * *

Спасение души требует серьезных материальных затрат. Сидя за столом перед фьеррой, облаченной и лиловую хламиду, Вассария это поняла по тому, как цепко пробежались крысиные глазки настоятельницы монастыря по ее фигуре. Данная хоганова невеста ассоциировалась у девушки с образом буренкиной смерти. Именно так изображали коровью лихоманку: худой практически до просвета, высокой, аки жердь, с узловатыми пальцами. Только сказочная героиня не была охоча до злата, предпочитая звону меди что-нибудь более питательное и удобоваримое.

– Еще раз напомните, сколько вы отдаете добровольной платой на нужды монастыря, дитя? – Этот вопрос настоятельница задавала уже второй раз, правда, в иной формулировке.

Вассарию душила милая коренная обитательница болота, в народе именуемая жабой. Фьеррине вручили «на расходы» приличную сумму злотнями, но лицедейка за недолгое время как-то прикипела душой к выданному кошель. Вверять его в руки этой алчной женщине девушке не хотелось. Пришлось.

– Вот, здесь двадцать злотых. – Васса положила кошель на стол и скромно потупила взор. Пять монет ей все же удалось незаметно умыкнуть. Это обстоятельство хоть как-то примирило девушку с необходимостью расставания с «реквизитом».

– Что ж, это небольшой, но все же вклад во спасение вашей души. Да будет милостив к вам Хоган. – Припрятав кошель в один из ящиков стола, уже более деловым тоном настоятельница добавила: – Раз вы, дитя мое, решили отринуть все мирское, после гибели вашего жениха стать послушницей и последовательницей святой Баяны, мы вам в этом поможем.

Неестественно тонкие пальцы женщины ухватились за ручку массивного колокольчика. Раздавшийся после этого звук, больше всего напоминавший набат, а не мелодичный перезвон (какой должен был прозвучать по логике), пронесся по кабинету, а затем и по коридору стаей мракобесов. Спустя два вдоха в кабинет вошла монахиня, протиснувшись в дверной проем бочком и слегка при этом втянув живот.

– Уленька, проводи новую послушницу в келью, выдай ей одежду и объясни распорядок нашего монастыря. – Фьерра кивком головы указала вошедшей на Вассарию.

Появившаяся монашка была так же похожа на настоятельницу, как хряк на воблу: пухлые щеки, погребенные под кучей веснушек, рыжие взлохмаченные вихры, которые даже лиловая косынка укротить была не в силах. Уленькины же тела свидетельствовали о заботливости ее родителей, так откормивших свое дитяtko, чтобы точно оградить ее от разврата, да и вообще любого покушения на ее честь – смельчаков и энтузиастов всегда дефицит.

«Нет худа без добра. Зато если вдруг какой злыдень попытается выкинуть эту Уленьку из окна, у убийцы ничего не получится – просто надорвется», – отстраненно подумала Васса, глядя в спину монашке, пытающейся тараном взять дверной проем. Вера движет горы, а уверенность, помноженная на упрямство, – даже дверные проемы. Пыхтя, Уля все же вышла в коридор, видимо, из принципа не став поворачиваться боком.

Как только Васса с хогановой невестой покинули кабинет, толстуха накинулась на девушку с таким энтузиазмом, что оным можно было и убить:

– Ты новенькая? А откуда? Почему решила сюда пойти? – и, не давая Вассарии вставить ни слова, продолжила тараторить: – Жаль, что ты такая нежная вся. Плохо вы, тихони, тут приживаетесь. Вот давеча была одна, ну прям ты точь-в-точь, да занедужила: рвать ее по утрам начало, вся зеленая была, есть ничего не хотела. Настоятельница уж как переживала, да ничего сделать не смогли, пришлось ее в лекарский дом везти.

«Знаем мы эту болезнь, через девять месяцев сама проходит», – ехидно прокомментировала Васса.

Провожатая меж тем разливалась соловьем:

– А еще до этого была другая. Тоже скромница, ручки тонкие, стан словно тростиночка – ручкой перешибешь. Все ходила как в воду опущенная. Даже беседы со всерадетелем, на которые горемычная ездила, ее душу не спасли. Преставилась. Душеньку свою загубила в петлице, – вещала монашка и тут же безо всякого перехода выдала: – А вот кормят здесь – жуть! Помереть порою с голодухи можно. Ты вон и так тощая, так что как будут в трапезной обед разносить – ешь все.

От этого стрекота голова Вассы уже шла кругом, но на счастье девушки они наконец-то дошли до отведенной ей кельи.

Монашка, словно вспомнив о порученной ей обязанности, уже на пороге оттараторила:

– Встаем до зари, со вторыми петухами, полторы свечи – утренняя молитва, потом трапезная, потом настоятельница дневные поручения раздаст. Как колокол зазвонит – время молитвы и обеда, потом опять по поручениям. Вечером молитва и ужин.

Выдав эту программу-минимум, конопатая добавила:

– Ты давай располагайся, шас принесу одежду. Ряса тебе еще не полагается, но и в мирском ходить не след. Я мигом, – и с этими словами захлопнула дверь.

Васса, оставшись одна в келье, присела на топчан и попыталась проанализировать услышанное. Похоже, что скабрзная шуточка про задорных монашек, резвящихся у себя в келье, возникла не на пустом месте. А посему рано или поздно ей придется поехать на «исповедь» ко всерадетелю.

– Ладно, пока есть время подумать, – прошептала Васса.

Она невесело усмехнулась и достала пять монет, что так шустро умыкнула. Машинально взяла один кругляш и начала ловко перекидывать его через фаланги пальцев. Монетка играла на солнце, а множество бликов круговертью солнечных зайчиков устроили чехарду на потолке. Почему-то, когда фишка или та же монета исчезала между пальцами и появлялась вновь, Вассе лучше думалось.

* * *

Монастырские размеренные будни ассоциировались у Вассы с паутиной: день за днем наворачивались на нее коконом серых нитей, затягивали.

Прошло больше двух седмиц, от утренних и вечерних бдений девушку уже воротило. Величественные шпили монастыря, словно пронзающие небесную высь, вызывали лишь одно желание – повесить на них противную настоятельницу, мракобесью мать Арелию, что совала свой длиннющий нос во все дыры. Эта тощая швабра своей дотошностью, скаредностью и назидательностью могла препарировать сознание даже самых стойких разгильдяев. Вассарию же она просто выводила из себя.

Поучительные рассказы и показная целомудренность, коей шеголяла настоятельница, чуть ли не каждый день проходя под ненавистной аркой святой Баяны, больше всего раздражали Вассу, знавшую о «милых слабостях» всерадетеля. Девушка уже поняла, что самым большим окаянством в монастыре считается прелюбодеяние. Слышал бы это друг деда, изрядный пошляк, заглядывавший изредка в гости и считавший, что девственность – это женский недостаток, исправляемый мужским достоинством. Вот бы посмеялся над монастырской версией самого страшного греха. Но в хогановом доме свой взгляд на прегрешения. А посему любая после приватной встречи со всерадетелем могла больше всего бояться прохода под этой чертовой аркой. Дескать, постриг-то она принимала девицей, а уже после наблудила у стен монастырских...

Вассария не удивилась бы, если бы узнала, что настоятельница еще и шантажировала монахинь раскрытием их невольной тайны. Теперь понятно, почему раз в полгода служат очередную новую поминальную по самоубиенной грешнице, навсегда покинувшей стены данного монастыря (последнее Васса узнала все от той же словоохотливой рыжухи Уленьки). Последняя, не к ночи будь помянута, появилась в глубине коридора.

Монахиня, завидев Вассу, наддала ходу и начала приближаться, неумолимо, как понесшая повозка, возница которой сдуру отпустил вожжи. Хоганова невеста совсем не солидно при этом размахивала руками и порывалась что-то крикнуть, но выходили только сиплые невнятные звуки.

Васса, видевшая, какую скорость набрала монахиня, всерьез начала опасаться за свою жизнь. Как и обо что Уленька собралась тормозить? Выполнять роль буфера между стеной и столь резвой девицей лицедейке как-то не очень хотелось.

Все обошлось. Последовательница воли святой Баяны последний десяток локтей просто проехала на подметках, широко расставив согнутые в коленях ноги. Зрелище было столь же эффективным, как мерин на лыжах.

– Срочно прячься! – выдала наконец Улина.

– Зачем?

– Всерадетель приехал, и настоятельница срочно за тобой послала.

– Зачем прятаться тогда? – Васса талантливо изобразила непонимание.

– Не спрашивай, но так для тебя будет лучше. – Монашка начала нервничать.

– А для тебя? Если ты меня не найдешь?

– Да как обычно, отстою молебен ночной, и все, – беспечно отмахнулась рыжая.

Вассу тронул этот порыв. Редко кто сторонний будет действовать в ущерб себе. А вот нате, эта смешная, в чем-то несуразная Улина пытается ей помочь. Просто по-человечески, не требуя ничего взамен.

– Уль, а как ты оказалась в монастыре? – Вассария сама от себя не ожидала, что задаст этот вопрос.

Монашка, похоже, тоже его не ожидала, потому как откровенно ответила:

– Когда в обнищавшей семье, на приданое рассчитывать не приходится. А кто на мне так женится? Не захотела всю жизнь приживалкой быть при старших, которые будут попрекать куском. В белошвейки-горничные идти отец не позволил бы – как-никак герцогский род с каплей императорской крови, – на последних словах девушка махнула рукой, словно отгоняя почетное родство как надоедливую муху. – А здесь крыша, еда. Не разносолы, но никто же не запрещает – пока не знает – держать в келье постный пирожок, чтобы подпитать дух и тело. – Монашка хитро усмехнулась. – Да и занимаюсь тем, что по душе – оклады расписываю. Конечно, молитвы, посты и бдения – то еще развлечение. Но здесь для меня все же лучше, чем в миру.

Такой короткой и эмоциональной исповедью Васса была поражена. До этого монастырь ей казался чуть ли не тюрьмой. А смотри-ка ты, для кого-то он – лучшее из зол. Меж тем Улина резко выдохнула, словно коря себя за откровение:

– В общем, я не для того оббежала полмонастыря, чтобы ты мне тут кошачий хвост на кулак мотала. Давай прячься от всерадетеля! – повелительно цыкнула монашка.

– Улина, спасибо тебе огромное, но не стою я твоей ночи бдения.

Васса в порыве попыталась обнять монашку на прощанье. Выглядело это со стороны как потуга обхватить стог. А потом девушка развернулась и припустила в сторону кабинета настоятельницы.

– Дуреха, одумайся! Я же тебе добра желаю! – понеслось беглянке вслед.

Вассария чуть-чуть не успела. Всерадетель уже покинул гостеприимные хоромы матери Арелии и через двор направлялся к карете. Видно, много времени уже прошло с распоряжения найти и привести в кабинет новую послушницу, вот носитель слова хоганова и потерял терпение.

Девушка решила, что столь удобный случай упускать не стоит и, разбежавшись, попыталась повторить недавний Уленькин маневр. Благо грязи на улице было в избытке, и скользить ничего не мешало. Разогнавшись, она точно так же, как и монашка до этого, поставила стопы параллельно и почувствовала себя как в детстве, когда стоя съезжала с горки.

Однако кое-чего Васса не учла: тормозной путь по дворовой грязи оказался намного длиннее. И девушка, практически не сбавляя хода, врзалась во всерадетеля. Мужчину крепкого, даже кряжистого, однако, видно, не привыкшего к таранам в виде послушниц, снесло в сторону, как щепку. Глубокая лужа радостно распахнула свои объятия проводнику слова хоганова. Вассария же, слегка замедлившая ход, затормозила уже о шедшую впереди настоятельную, оседлав почтенную фиррену на манер норовистого жеребца.

– Вы меня искали? – первое, что пришло на ум девушке в этой ситуации, поспешившей слезть с костлявой спины матушки Арелии.

Всерадетель, отплеываясь, вставал из лужи, напоминая скорее мракобеса, нежели слугителя Хогана.

«И пришел к нам дед Капец!» – пронеслось в голове Вассы.

– Да, искали, но уже надобность в том отпала, – зло прошипела Аурелия, потирая поясницу.

«Вот это будет номер! Застрять в этом гребаном монастыре еще на пару седмиц, а может, и дольше или вовсе провалить задание», – размышляла девушка, а ее руки меж тем уже приподнимали подол платья так, чтобы виден был лишь маленький, а потому и весьма соблазнительный участок тела – голая лодыжка. Этому приему научил ее дед, правда, уже не как шулера, а как молоденькую фьеррину. Старик Хайроллер утверждал, что кровь мужчины будоражит не увиденное, а домысленное. Поэтому, если желаешь отвлечь герра, не стоит выпрыгивать из декольте. Гораздо эффективнее повернуться так, чтобы край юбки на мгновение оказался чуть выше дозволенного. Впрочем, и «случайно» с грохотом разбитый лекиф эпохи Брутгартов сгодится. Вазы или еще чего-нибудь столь же ценного не было, и Вассе пришлось работать с тем, что имелось в наличии. Девушка попыталась распалить воображение всерадетеля, старательно изображая на лице муки боли.

– Кажется, я ногу, – и для достоверности картины ступив на «больную» конечность, рухнула как подкошенная в грязь.

Тот, для кого этот спектакль и разыгрывался, то ли проникся чувством собственного благородства, подавая девушке руку, то ли симпатичная ножка, мелькнувшая из-под подола, сыграла свою роль, но, так или иначе, хоганов дланник произнес:

– Милое дитя, давай я помогу тебе.

Лицедейка, изображая робость, встала, опираясь на одну ногу. Всерадетель, подставив локоток, ненавязчиво повлек девушку к карете.

Путь до загородной резиденции хогановой десницы ассоциировался у Вассы с дорогой через болота по краю пропасти. Разговор ни о чем завязал в патке красноречия всерадетеля, и сердце девушки замирало каждый раз, когда она осторожно подбирала слова на очередной пустяковый вопрос, наблюдая за реакцией владыки. Тот же, строя из себя простачка, тем не менее цепко следил за девушкой. И его милая улыбка, масляной кляксой растекшаяся по лицу, не смогла отвлечь на себя внимание. Расчетливый холод, что затаился в глубине глаз мужчины, откровенно пугал.

Когда Васса и всерадетель наконец-то оказались в резиденции, владыка первым делом распорядился, чтобы ему и девушке принесли чистую одежду, позвали докторуса для гостыи

и приготовили «вечернюю» комнату. Несмотря на краткость приказа и последовавшее за ним еще более туманное дополнение, распоряжение его святейшества было исполнено в кратчайшие сроки.

Докторус появился в комнате, куда девушку отвела переодеться молчаливая служанка, спустя полсвечи. Спокойно-сосредоточенный, он мог сравниться красноречием с пуфиком, на котором восседал, осматривая ногу.

Не проронив ни слова, а лишь удовлетворенно хмыкнув, мужчина еще раз ощупал лодыжку, а потом, достав какую-то зело вонючую склянку с мазью, щедро обмазал оной предполагаемое место повреждения. После чего туда же поместил компресс, по амбре перебивавший притирание, и туго зафиксировал все это повязкой. После всех манипуляций докторус поднялся и, даже не оглянувшись на свою «пациентку», вышел из комнаты.

– А я-то, наивная, думала, что умение убийственно молчать – это привилегия фьерр... – вслед ушедшему задумчиво протянула Васса. Рывком встав с кровати и поправив подол весьма фривольного одеяния, добавила: – Однако мешкать не стоит.

После этих слов девушка запустила руку в самый надежный женский сейф – вырез платья. Об одеянии стоит сказать особо, потому как всерадетель, похоже, отличался весьма богатой фантазией. Нет, не было розовых воланчиков, рюшечек и длины до колена, как у маленьких фьеррин, не достигших еще возраста двенадцати лет. Наоборот, юбка в пол, декольте, открывающее почти все так, что места для воображения почти не оставалось... Но вот ткань. Даже несколько слоев наложенной друг на друга материи четко обрисовывали малейшие детали, скрытые под ней. Судя по всему, по задумке модистки на фьерре, решившейся облачиться в это одеяние, кроме, собственно, платья, не должно было быть надето ничего больше.

Выудив из декольте небольшой бумажный пакетик размером не больше ногтя на мизинце, Васса задумчиво повертела его в руках. По уверению Эрден, здесь была щепоть армирской неги, дарящей забвение вечером и нестерпимую головную боль утром. Последняя шла вкупе с провалом в памяти. Дурман и не из дешевых, и не из законных. За три щепоти такого могли и с пеньковой вдовой познакомиться. «Интересно, все дознаватели столь же законопослушны, или мне попался уникальный экспонат?» – подумалось девушке. С такими мыслями Васса и покинула комнату, отправившись воплощать коварный план великого инквизитора.

Главный герой (он же и жертва светоча коварной инквизиторской мысли) обнаружился в малой гостиной. Всерадетель, уже в чистой лиловой мантии, из-под которой кокетливо выглядывали розовые тапочки с помпонами, внимательно читал письмо. Девушку, застывшую рядом со столиком, на котором стояла пара бокалов и початая бутылка вина, он заметил не сразу. Или сделал вид, что не заметил?

Тем не менее Васса не стала рисковать и решила подождать более удобного момента для потравительских целей. Слегка кашлянув, девушка обозначила свое присутствие. Чтец оторвался-таки от послания и, взглянув на вошедшую, замер.

Она была хороша, определенно хороша. Голубая ткань струилась по фигуре, словно вода, обтекая юное гибкое тело. Такое притягательное. Особенно если тебе уже далеко за сорок, а в перспективе к желудочным коликам грозит добавиться прострел. Тебя сторонятся молоденькие фьеррины, морщащие нос за разведенными веерами на приеме у императора, но вслух ничего не говорят, приседая в реверансах и целуя печатку на руке, как и положено. Потому как с теми, кто держит в руках власть, приходится считаться. Именно власть сейчас и позволит всерадетелю сломать это юное прелестное создание, еще не знающее о своей участи и в стеснении постоянно поправляющее то несуществующие складки платья, то пытающееся инстинктивно прикрыть грудь. Сломать, но сначала вдоволь наиграться...

– Присаживайся, дочь, – и владыка щедрым жестом зазывалы, выдающего лежалую двунитку за уримский бархат, указал на софу.

Васса воспользовалась приглашением. Не успела девушка присесть, как всерадетель тут же оказался подле и, больше не тратя время на расшаркивания, сразу перешел к рекогносцировке коленок, активно переходящей к разведке в районе талии. Обхватил руками трепетный (как он думал) девичий стан.

«Как ухватом прижал, зараза», – не к месту мелькнуло у Вассы. На столь стремительное наступление девушка не рассчитывала. Мелькнувшая идея попытаться вырваться была отброшена как бесперспективная. Противник оказался гораздо сильнее и опытнее. Расслабиться и получить удовольствие вопреки поговорке как-то не очень хотелось.

Решив, что лучшая оборона – это нападение, девушка с криком: «Я вся горю, соврати же меня, прелестник!» – обхватила шею всерадетеля руками, а для пушей надежности еще и одну из голеней ногами. Владыка, ожидавший в этот момент чего угодно: от яростного сопротивления до слез прекратить это такое непотребство, слегка опешил. Не давая хогановой деснице прийти в себя, Васса взяла самую высокую ноту, на которую была способна, метя в ухо противника:

– При-и-и-израк!

От ее вопля задрожали не только стекла, но, кажется, и стены.

Последовавшее:

– А-а-а... – а за ним и более членораздельное: – Ект твою горгулью! – принадлежали всерадетелю, в довершение к звуковой атаке (по причине которой он слегка ослабил бдительность) получившему еще и коленом в ту часть тела, которая мешает любому мужчине во всяком бою.

О том, что хогановы отцы могут матюгаться столь цветасто, Васса узнала опытным путем. Всерадетель таким образом на мгновение утратил контроль над ситуацией. Этого оказалось достаточно, чтобы ловкие пальцы развернули пакетик, высыпав содержимое последнего в бокал с вином. Благородный напиток, рубиновая глубина которого на какой-то миг приобрела плебейский белый оттенок, слегка вспенился. Впрочем, как и полагается высокородному, он за вздох успел успокоиться, и, когда хоганова десница пришла в себя от звуковой и тактильной контузии, уже ничто не говорило о том, что нервная девица добавила винному букету новую пикантную вкусовую нотку.

Вассария, не теряя времени даром, вспорхнула с диванчика и, описав малый круг почета по ковру (что по мнению девушки должно было свидетельствовать о немалом ее волнении), подхватила оба бокала, стоявших на столике. Отступив на пару шагов от импровизированного ложа, с которого владыка с кряхтением поднимался, она протянула один из фужеров всерадетелю и с извиняющейся улыбкой произнесла:

– Простите, это все нервные жилы, как утверждает докторус. Я просто переволновалась, и мне нужно успокоиться. Вино всегда помогало в таких случаях. Но пить одной... Не составите мне компанию?

И с видом невинной офиранской девы протянула всерадетелю бокал.

– С удовольствием! – все еще корчась от затихающей боли, согласился несчастный визави.

Ни о чем не подозревавший владыка, находясь в полусогнутом состоянии (держаться, прикрывая самое ценное для каждого мужчины, пусть тот и хоганова десница, мешали приличия, а выпрямиться полностью мешала физиология, коей был нанесен серьезный ущерб), потянулся за предложенным на манер пресловутого ослика, которого манят морковкой. За что и поплатился, ненароком наступив на мантию.

В попытке высвободиться владыка дернулся сильнее и, не удержавшись, начал заваливаться. Васса, быстро сообразившая, куда собирается спикировать тело хогановой десницы, в последний момент успела поддеть ногой кочергу, подопнув ее. Да так удачно, что всерадетель приложился темечком аккурат на рукоять оной. Качественно так, прочувственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.